

НИКОЛАЙ
ЕЛЕНЕВСКИЙ

НА ПЕРСНИЙ
КРЕСТ

Николай Еленевский
Наперсный крест

«Четыре четверти»

2011

Еленевский Н. В.

Наперсный крест / Н. В. Еленевский — «Четыре четверти», 2011

Роман «Наперсный крест» – повествование о жизни священника, отца Сергия. Пример его незыблемой преданности вере, настоящего патриотизма, его подвижничества и сегодня восхищает, вдохновляет и заставляет каждого из нас задуматься о своем назначении в этом мире.

© Еленевский Н. В., 2011

© Четыре четверти, 2011

Содержание

I	5
II	11
III	13
IV	15
V	17
VI	19
VII	23
VIII	26
IX	28
X	31
XI	36
XII	38
XIII	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Васильевич Еленевский

Наперсный крест

Роман

(По запискам протоиерея
Сергия Лаврского)

*Священникам,
чье преданное служение
и мученическая смерть
спасли русское православие*

I

Раны понемногу затянулись. Уже могу шевелить плечом, а также вставать с койки и при помощи Гавриила даже чуток пройтись по комнатке. Каждый шаг пока чрезвычайно тяжел, но я делаю его, что вызывает у Гавриила возгласы одобрения.

– Вот, отец Сергей, с Божией помощью и встали на ноги, – он подставляет плечо, затем пособляет присесть в кресло у небольшого окна, откуда видны уголок здания, въездная арка и часть двора с большими, покрытыми изморозью смоковницами – все это Пантелеймоновское новодворье, кое принадлежит Одесской епархии. В нем и разместился лазарет для раненных в баталиях с турками солдат. Гавриил говорит, что таких немного.

– Чуток кому лучше, такого отправляют дальше. И вы, когда на поправку пойдете, тоже покинете нас.

Затем он поспешает в свою келью и приносит толстую тетрадь:

– Ваше преподобие, как и просили, все, чему был свидетелем.

Почерк у Гавриила необычайно красивый. Буковка к буковке... И я, удобно откинувшись на высокую спинку совсем не монашеского вида кресла, по-видимому, переданному сюда кем-то из заботливых горожан, начинаю читать... Чтение уже с первых строк привлекает к себе.

«Приезд государя императора 12 апреля в Кишинев встречен был торжественным звоном колоколов во всех церквях города. Путь от станции до губернаторского дома, где Его Величество изволил иметь пребывание, был иллюминирован огнями, транспарантами, гирляндами и флагами.

Наутро, отправляясь к осмотру войск, собранных на Скаковом поле, государь император вместе с государем цесаревичем – Его Императорским Высочеством главнокомандующим и великим князем Николаем Николаевичем-младшим изволили заехать в городской собор, где были встречены духовенством в облачении с крестом и святою водою. Стоя неподалеку от входа в собор, я с превеликим удовольствием, душевной радостью созерцал, как преосвященный Павел, епископ Кишиневский и Хотинский, приветствовал Их Императорское Величество:

– Благочестивый государь! – произнес Его Преосвященство тоном значительным и волнующим. – Один ты с верным твоим народом возлюбил попираемые пятою ислама христианские народы не словом только или языком, но и делом, и истиною. Твой царственный голос во все дни твоего царствования неумолкаемо возвышается на защиту угнетенных. И еще недавно твое державное слово стало великим делом любви к ним. Оно остановило кровопролитие и спасло от конечной гибели полурастерзанную Сербию».

Гавриил, видя, что я увлекся чтением, от излишнего переживания за свою рукопись поднимается и неслышно выходит. Я хотел было его остановить, но он уже в дверях смущенно покачал головой: «Как знаешь, как знаешь», – и я углубился в чтение, которое благодатно ложилось на душу.

«Когда здесь Его Преосвященство на немного смолк, то я услышал, как где-то высоко в небе закурлыкали журавли, летевшие на родину. Услышал не только я. Услышали весьма многие и многие, в том числе и государь, который, взглянув на небо, чему-то одобрительно качнул головой. Было в том курлыкание нечто столь многозначительное, столь осязаемое для нас, стоявших на земле, что последующие слова епископа Павла воспринимались с большой душевной силой.

– Благочестивый государь, ныне ты с августейшим сыном, наследником твоим, грядешь к нам, на рубеж царства русского и к пределам поработителя наших братьев по вере и крови.

Я слушал. Неслыханным по силе напряжением моя душа, казалось, готова была подняться туда, к журавлиному клину.

– Ты грядешь на место сосредоточения твоего христолюбивого воинства для нового, еще более великого дела любви к поработленным...

Епископ Павел опять сделал паузу, словно подчеркивая значимость момента, в котором сама история предназначала участвовать всем нам.

– Ты грядешь к нам для того, чтобы повелеть твоим войскам если не всецело сокрушить, то сокрушительно потрясти в самых основаниях врата адовы, горделиво именующие себя высокою и блистательною Портою, и дорогою русскою кровью искупить, огнем и железом спасти поработленных от жестокого поработителя, избавить их от жизни, исполненной адских мучений, уврачевать их язвы, вдохнуть в них новую жизнь и даровать им человеческие права.

Под впечатлением слова епископа я невольно для себя стал шептать молитву:

– Благословен грядый во имя Господне русский царь православный, царь праведный и кроткий, Богом хранимый!

Видимо, мой шепот был сильным, ибо я услышал чей-то сердитый, недовольный голос.

– Если возможно, брат, тогда несколько потише.

В знак согласия я молитвенно прижал руки к груди.

– Царь царей венчал твою любовь к России неувядаемым венцом мирной славы, вождь успешных твоих великих преобразований и дел во благо народа».

Читая записки Гавриила, я так увлекся, что невольно вместе с автором начал сопереживать важному историческому моменту, и не заметил, как перешел на их чтение в голос:

«– Царь царей, явно для всех хранящий тебя, яко зеницу ока, и сохранивший тебя, как возлюбленного из помазанников своих, неприкосновенным и в опаснейшие минуты твоей жизни, очевидно, для дел великих...

– Отец Сергей, вы меня окликали или... – в комнатку заглянул Гавриил.

– Принесите-ка мне чаю...

Гавриил уходит, а я продолжаю чтение:

«В благоговейной тишине голос епископа Павла долетал до толпившегося за полицейским оцеплением народа, изредка проскальзывал перезвон лошадиной сбруи. Столько мира и покоя было во всем, как будто и вовсе перед нами и временем не стояло то нечто страшное, но так притягивающее, как поход нашей армии на Балканы.

– Да увенчает он главу твою новым венцом славы, подобным венцу твоего августейшего дяди, освободителя Европы, благословенного Александра! Да увенчает тебя венцом освободителя угнетенных христианских народов!

Да поможет он тебе совершить во благо их все, что только желает совершить для них твоя благосердная, любящая душа. И да подаст тебе радость – многая лета, до старости более

маститой, чем мастита старость августейшего твоего дяди и друга – императора Вильгельма, дабы утешаться счастьем облагодетельствованных тобою народов и твоею славою».

Гавриил приносит чай, ставит на столик, а сам присаживается на стул.

...Я закрываю глаза, чтобы немного передохнуть. Чувствую, как Гавриил осторожно поправляет на моих ногах толстое суконное одеяло. Когда открываю глаза, вижу опять одеяло. Оно серого цвета, а по краям широкая белая полоса с бурыми пятнами. Эти пятна – первое, что я увидел, когда пришел в себя в лазарете Пантелеймоновского новодворья. Потом частенько ловил себя на мысли, что таким вот простым солдатским одеялом и впитывались чья-то боль, чей-то страх. А, может, и наоборот, радость, что все плохое позади. Сколько всего познали эти одеяла. Говаривали, что они здесь сохранились еще со времен севастопольских батальей.

«– Благочестивейший государь!

Жребий войны брошен. Как отец Отечества призови благословение Божие и изреки твое отчее благословение на славные войска твои, всегда готовые по твоему слову защищать святое, правое дело.

Под осенением небесных и земных благословений они, предводимые своим доблестным, тезоименным победе вождем, августейшим братом твоим, да порадуют тебя своими бранными подвигами и славными победами, как доселе, конечно, радовали тебя превосходным воинским духом, порядком и благочинием... И в своем победном шествии да перейдут и тот предел, до которого в начале своего царствования дошел славный ваш родитель император Николай, предписавший Порте мир в Адрианополе.

От блеска подвигов твоих войск да померкнет луна и да воссияет, как солнце, Христов Крест!

Речь преосвященного Павла была выслушана с покровительствующим вниманием.

Из собора, сопровождаемый свитой, государь под восторженные крики горожан отправился к войскам, выстроенным на Скаковом поле».

Чтение захватывает, заставляет сопереживать вместе с его участниками столь важному историческому моменту.

«...Все свободное пространство поля покрыто громадными толпами народа и множеством экипажей. Погода хмурая и прохладная. С раннего утра дул сырой ветер. Небо затянуто тучами. Однако к началу смотра оно совершенно прояснилось. Так прояснилось, что приезд государя императора в открытой коляске с великим князем главнокомандующим озарили уже полные блеска теплые лучи солнца.

Объехав фронт войск, выстроенных в две линии, Его Величество с многочисленной свитой изволил отъехать на середину поля и в виду всего фронта войск сошел с лошади. При этом спешили и все остальные лица свиты. Тогда выступил вперед преосвященный Павел в полном епископском облачении и вскрыл врученный ему пакет.

Барабанщики ударили бой «На молитву», и войска как по команде обнажили головы.

Толпы народа сделали тоже.

Обращаясь к войскам, преосвященный Павел во всеуслышание и отчетливо, ясным голосом начал чтение высочайшего манифеста по писаному тексту.

Торжественные слова этого государственного акта были выслушаны в благоговейном молчании, которое не прервалось и по окончании чтения.

Под подавляющим влиянием высокоторжественной, всемирно-исторической минуты благоговейно начался молебен.

Раздался ликующий хор «Христос воскрес из мертвых!», после чего троекратно пропето было: «С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!»

Когда произнесли слова «Преклоньше колена, Господу помолимся», Его Императорское Величество скомандовал:

– Батальоны, на колени!

И по этой команде монарха войска тихо склонились к земле. Одни лишь знамена высоко виднелись над ними.

По возглашении многолетия государю императору, государыне императрице, наследнику цесаревичу и государыне цесаревне с их августейшим сыном, великому князю Николаю Николаевичу и всему царствующему дому было возглашено такое же русскому воинству. Затем при пении «Спаси, Господи, люди твоя» преосвященный Павел, вышедши вперед, с напутственным благословением на три стороны окропил войска святою водою.

Государь оборотился к августейшему брату своему, крепко обнял и несколько раз поцеловал его. Главнокомандующий благоговейно и в трогательном волнении приник устами к руке монарха.

Перед торжественным служением молебна было произнесено преосвященным Павлом слово, обращенное к главнокомандующему, начальникам и войскам. Понимая, сколь важен сей момент, я достал всегда находящуюся при мне толстую тетрадь и устроился поудобнее, чтобы записать все, что будет сказано.

«Вожди и воины христолюбивые!

Благочестивый государь наш император призывает вас на великий и святой подвиг!

Вам предлежит поистине великий и святой подвиг – положить конец тем невыразимым жестокостям и неистовствам, которые варвар-турок уже несколько веков совершает над братьями нашими христианами. Спасти их жизнь, веру, семью, собственность, гражданственность от произвола и насилия жестокого поработителя и дать им возможность пользоваться правами человеческими.

Вам выпадает великий жребий – и за Дунаем, и за Балканами водрузить Христов Крест над серпом полумесяца, пожинаящим только, как колосья, человеческие жизни, и над тлетворною, губительною гражданственностью мусульманскою воздвигнуть древо жизни, знамение победы над смертью – Крест и с ним жизненную, животворную гражданственность христианскую».

Чтобы позволить небольшой отдых, заканчиваю читать, а в душу прокрадывается легкая печаль. Уловил себя на мысли, что сожалею, потому как все это происходило без меня.

...За маленьким окном с толстыми, но весьма прозрачными стеклами чуть слышно поет свою грустную песню зимний ветер, донося сквозь неплотные пазы оконных рам запах моря и большого города и разбавляя им тяжелый дух лекарств. Гавриил приносит исходящий паром чайник, несколько кренделей, засыпает в алюминиевые кружки по шепотке чая и заливает их кипятком. В маленькой чашечке мед. И вот уже в комнатке благоденствует запах чая и меда. Мы обмакиваем кренделя в мед, отхлебываем из горячих кружек и молчим. Наше чаепитие прерывает сестра милосердия с градусником в руках:

– Ну вот, а мне надо температуру вам измерять, – сердится она, – а вы уже чаем балуетесь... Придется подождать. Так и скажу доктору!

В дверях улыбается, машет рукой:

– Ах, о чем говорить. Только бы все на пользу шло!

После чаепития опять принимаюсь за чтение записок монаха Гавриила, столь благотворно повлиявших на мое настроение.

«На какое великое, святое дело призывает вас благочестивейший государь!

Мужественно, дерзновенно идите на предлежащий вам подвиг!

Предлежащий вам путь хорошо известен русскому воинству: он утоптан русской ногою, усеян костями и напоен кровию защитников Христова имени и врагов русского народа.

Повсюду на своем пути вы встретите села, города, крепости, реки, горы и доли, помнящие великие русские имена, доблестные подвиги, славные победы русских воинов: Кагул, Ларга, Рымник, Измаил, искони родной русскому народу Дунай с вражескими на нем твердынями,

Балканы, Адрианополь, Константинополь и неисчислимое множество других местностей. Все это свидетели славных подвигов и побед русских дружин, русских войск.

Пред вами будут восставать как живые то величавые лики древних князей-витязей Олега, Игоря, Святослава, то величавые образы великих царей и цариц – Великого Петра, Великой Екатерины, благословенного Александра, доблестного Николая, то великие лики военных вождей Румянцева, Суворова, Кутузова и других с их чудо-богатырями солдатами.

Эти и многие другие славные мужи России неоднократно заставляли трепетать Царьград Стамбул пред силою их оружия. Своими подвигами они прославили, возвеличили Россию. Какие славные воспоминания будут вдохновлять вас к новым подвигам и победам!

На вас будут взирать с любовью и надеждою дел славных царь-отец с царицею и августейшим домом своим и Россия-мать.

На вас обращены будут взоры братий наших – страждущих народов христианских с чаянием избавления от жестокого поработителя.

На вас будет взирать и с вами будет делить труды, подвиги и опасности ваш любимый, исполненный воинского обаяния августейший вождь.

Какая великая честь и слава совершать свой подвиг перед такими свидетелями его! Когда на вас устремлено столько взоров!

Святая Церковь будет молиться за вас, благословлять вас и просить Господа Бога, да поможет он вам оградить Христову веру и христианскую гражданственность среди народов, от которых мы сами унаследовали и веру Христову, и гражданственность христианскую.

Сам Господь наш Иисус Христос, положивший душу свою за други своя, с любовью будет призирать на вашу готовность положить души ваши за други ваша и благословлять вас...

Какие подвиги не будут для вас возможны под осенением таких благословений?!

Явите же себя достойными своего высокого призвания и славного имени русского воина.

Молитесь, любите Господа Бога, царя, Отечество, ближних, честно подвизайтесь, и на ратной ниве вы будете увенчаны славою!»

Все это было монахом Гавриилом аккуратно подчеркнуто. Дальше уже шло простое описание последовавшей после слова епископа церемонии. Однако и оно не оставляло меня равнодушным.

«Преосвященный Павел взял от протоиерея икону и, обращаясь к Его Высочеству главнокомандующему, произнес:

– Благоверный государь, архистратиг воинства русского!

В твоём лице благословляю предводимое тобою христолюбивое воинство святым образом Вседержителя.

Христос да пребудет неразлучно с вами, защитниками дела Христова, и да венчает ваши труды славными победами!

Благословив иконою великого князя, владыка взял другую и направился к начальнику 14-й пехотной дивизии свиты Его Величества генерал-майору Драгомирову:

– Христолюбивый вождь пребывавшего в пределах нашей области воинства!

Благословляю тебя и всех твоих сподвижников святою Гербовецкою иконою Взбранной Воеводы – Царицы Небесной, покровительницы града Кишинева и страны нашей. Поручаю всех вас могущественному покровительству Ея и молю и буду молить ее, да ведет она вас от подвига к подвигу, от победы к победе.

Да возвратит вас Господь к нам целыми и невредимыми, увенчанными лаврами!

Монарх вместе со свитой тихо сел на коней, и они отъехали в сторону, дабы очистить место войскам всех родов оружия для церемониального марша.

Войска прошли маршем и выстроились в колонну. Его Императорское Величество подъехал к ним и высказал собранным вокруг себя офицерам те пожелания и напутствия, общий смысл коих уже был возвещен ранее.

Затем обратился к стоявшим в колоннах солдатам:

– Прощайте! До свидания! Возвращайтесь скорее со славою! Поддержите честь русского оружия, и да хранит вас Всевышний!

Войска разразились громовыми криками:

– Урра-а-а!!! Слава государю!

– За веру Христову!

– За свободу славян!!! Урр-а-а-а!!!!

И что за мощная это была волна!

Какой восторг, какая всеобщая любовь сияли на лицах!

И вдруг вся эта масса в невольном порыве восторженно ринулась к монарху. И на многие и многие сотни метров обступила вокруг с поднятыми вверх шапками, саблями, штыками.

Солдатские шапки полетели вверх целыми роями...

Народ бросался на колени, простирал к государю руки и шумно, радостно вторил этому восторгу войск. Над ним тоже в воздухе роились шапки. Женщины и дети махали платками, кидали букеты.

Множество усатых мужественных лиц было орошено слезами, коих не прятали друг от друга.

Казалось, что сам воздух гремел над этими слившимися воедино солдатскими и народными массами, сплотившимися вокруг государя.

Описать это просто невозможно! Такие минуты только глубоко чувствуются и никогда не забываются. Они всецело становятся достоянием всемирной истории».

– А что, весьма даже хорошо, весьма, – я закрыл тетрадь и одобрительно накрыл ее ладонью, словно узаконив для себя все, написанное в ней. – Значит, вот так все было в Кишиневе.

Гавриил кивнул головой:

– Буду несказанно рад, отец Сергей, если мой маленький труд вам понадобится в дальнейшем.

– Обязательно понадобится.

Еще в Минске, перед уходом полка из Малой Слепянки, я решил, что обязательно опишу все подвиги, совершаемые господами офицерами и солдатами. Однако, к своему стыду, до сих пор так и не сделал этого, хотя память подробно хранила уже канувшие в историю дни. И, может быть, то, что сделал монах Гавриил, даст изначальный толчок и подвигнет меня на претворение в жизнь задуманного.

Уже потом, в конце своего пребывания в новодворье, я помечу на последнем тетрадном листе:

«Сия запись сделана монахом Гавриилом, непременно участником событий, и передана мне, находящемуся на излечении в лазарете Пантелеймоновского новодворья полковому священнику 54-го Минского пехотного полка Сергию Лаврскому в канун Рождества Христова 1878 года в городе Одесса».

II

– Ваше преподобие, – командир первой роты штабс-капитан Миранович двумя пальцами аккуратно и в то же время шутливо покручивает и без того лихо свернутые в тугие кольца усы, – могу оказать вам сегодня услугу и помочь нести сей крест в город.

Он на какой-то миг оставляет усы в покое и указывает на мой наперсный крест, а затем рука опять возвращается к ним. Усы – гордость Мирановича, и не только его, а всей роты, и таких больше в полку ни у кого не имеется. У одних свисали, подобно шароварам запорожских казаков. У других топорщились, словно охалка сена, брошенная денщиком в лошадиное стойло. Третьи же превращали их в тонкую ниточку, словно приклеенную на верхней губе. У четвертых они были похожи на те, какие украшали вторых, у третьих...

– Так как, ваше преподобие?

Крест пользуется непрерывным вниманием в полку, а также у тех, кто приезжает к нам сюда, в Малую Слепянку, небольшое селенье под Минском. Кованный из бронзы, с изумительно тонкой работы распятием Иисуса Христа, он сразу, как только я его увидел, поразил меня своим внушительным видом, вызывающим предположение, что этот крест предназначен отнюдь и не для наперсного ношения, а, скорее всего, для на престольного служения. Однако на обратной стороне поручик-инженер Петров с помощью увеличительной лупы прочел, что сей наперсный крест сотворен в Турове в 1047 «року» для иеромонаха Туровского мужского монастыря Василия греком из Фесолоников.

– Медь не медь, и на бронзу не похоже, – бормотал Петров, рассматривая крест, – но инкрустирован золотом, и фигурка Спасителя, видимо, тоже золотая. Только вот как она прикреплена к такому металлу, не пойму. Не приклеена же? И это в те времена! Остается только восхищаться этим греком или как его там.

Достался мне крест, как я считаю, по Божией воле.

Перед самым выпуском из семинарии меня вызвали к его высокопреосвященству Александру. В канцелярии священник Миткевич хитровато прищурился и невесть зачем спросил:

– Сабелькой-то больше не балуетесь, семинарист Лаврский?

– Балуюсь, – простодушно ответил я, не понимая, к чему клонит эта приближенная к его высокопреосвященству духовная особа.

– К словцу, к словцу сказано, друг мой, – словно упреждая мои дальнейшие расспросы, улыбнулся Миткевич, – вот сейчас у владыки все и узнаете.

В прошлом году я стал лучшим фехтовальщиком в Минске на саблях, победив в поединках многих офицеров. К этому чрезвычайному, как посчитали в городе, факту весьма благоклонно отнеслось мое духовное начальство. Владыка вручил мне прекрасно оформленную Библию. Готовивший меня к соревнованиям преподаватель гимнастики в нашей семинарии отставной майор Чурнешов был отмечен денежным вознаграждением, чему необычайно порадовался:

– Дочерям на подарки.

У Чурнешова было три девицы на выданье. Он частенько уговаривал семинаристов старших курсов, а меня уж очень, взять в жены которую из них.

– Сергей, ну ты же видел мою Оленьку, красавица, умница, поверь мне, она будет хорошей матушкой и нарожает тебе много чудесных детей.

Ольгу я видел несколько раз. Она и на самом деле была такой, как о ней говорил отец, но я жил другой мечтой.

Владыка встретил меня доброй улыбкой:

– Ознакомлен с вашими успехами в учебе, а также наслышан о спортивных достижениях и отменном здоровье, поэтому вашу кандидатуру мы решили и предложить военному ведомству.

Так и определилась моя дальнейшая пастырская судьба. После выпуска я был рукоположен в священники, переведен в военное ведомство и назначен в 54-й Минский пехотный полк, чему несказанно обрадовался.

Знакомя меня с полком, командир, подполковник Василий Никитич Кременецкий, говорил:

– Полки, они, как и люди: у каждого своя биография, свои способности, свои радости и огорчения, связанные воедино ратной службой, деля которой и собраны все мы здесь под этими знаменами. Наш полк – Минский! Звучит?! Звучит!

Здесь в основном служили офицеры и солдаты, набранные из Минской, Гродненской и Могилевской губерний.

– У меня, ваше преподобие, народ весьма гордый. В какого офицера пальцем не ткни – шляхта! Прапорщики, те проще. Но! – и здесь Кременецкий произнес с особым ударением: – Все в своей массе люди верующие. Ваш предшественник снискал себе похвальную славу под Севастополем. Постарайтесь быть таким же, как протоиерей Гейдрох.

О Гейдрохе я слышал. Он был одним из тех полковых священников, которые, помимо церковных отличий, носили на своей груди и военные награды. Правда, увидеть его не удалось, поскольку он еще до моего прибытия был отправлен на лечение в Санкт-Петербург. «Сказывались старые болячки, – огорчались офицеры, – измучили они его». В их словах чувствовалось явное сожаление, что полк остался без такого священника.

Моей радости по поводу предстоящей службы в военном ведомстве не разделил родитель Петр Николаевич Лаврский, которого я навестил летом. Он мечтал, что я когда-нибудь возглавлю его родной приход в приеманском селе Дударево. При нашей встрече долго выговаривал за то, что я не счел необходимым посоветоваться с ним:

– Наш род которое столетие уже духовно окормляет землепашцев. Твои глубокие прадеды несли свой пастырский крест по здешним землям, а ты? Я ведь все время думаю, кому приход оставляю. Была бы жива матушка, и она бы тоже этого захотела, – он вытирал платком глаза, вглядываясь в теплую неманскую воду, которая ласкала босые ступни наших ног. – Ты же у меня единственный.

Мне стало неловко смотреть ему в глаза. Что я мог сказать, когда в душе моей все ликovalo и пело, а из уст родителя исходили слова горечи и упрека. Но отец вдруг улыбнулся:

– Что это со мной? Хандра у нас не в чести. Видно, такова Божия воля, а ей супротивиться никак невозможно. Исполни!

Я понял его слова как прощение и родительское благословение, потому облегченно вздохнул, не хотелось вольно или невольно расстраивать его.

Он сделал по воде несколько шагов навстречу, размашисто перекрестил и обнял. Неман обтекал нас, колыша наши отражения на своей прозрачной до неистовости воде.

III

Первый день в должности полкового священника запомнился вот чем. В полковом церковном хоре выделялся среди певчих рядовой Трофим Корчик. Я слышал много хороших голосов. Благо в Минске хватало хороших коллективов. Но у Трофима и впрямь был удивительный голос, сильный и красивый – настоящее украшение полкового хора.

Когда об этом я сказал подполковнику Кременецкому, тот улыбнулся:

– О! Сколько раз, сколько раз просили, чтобы перевести этого солдата в части, скажем так, придворной службы. Ан нет! Петь он ездил, но переводить – ни-ни! Вы знаете, он ведь и непревзойденный гармонист!

Как играет солдат на гармонике, мне услышать не довелось. Он ее продал накануне того апрельского дня, когда я был представлен полку как священник. После церемониала представления личному составу и моей первой службы в полковом храме я решил побеседовать с солдатом: от меня не ускользнули его душевные переживания.

– Вижу ваше огорчение. Из-за чего? Вроде как и пели с душой, а на лице...

– Беда и огорчила, ваше преподобие.

Оказалось, получил весточку, что в его деревне у многих пала скотина. Не обошла эта напасть стороной и хозяйство родителей. Деды и прадеды были и кузнецами, и хлеб сеяли. Кузнечил теперь и отец, а сам солдат для себя решил, что после службы обязательно займет его место.

– Помимо кузни, у нас и хозяйство свое большое, – и, вздохнув, добавил: – Было...

– А что же так?

– И быков, и лошадей хворь одолела. Вот, ваше преподобие, и продал гармонику. Так жалко было с ней расставаться, что душа болит. Мне ее перед армией дед справил. Отослал им деньги. Да ведь все равно мало. Весна, батюшка, посмотрите какая! Апрель, а уже пчела вовсю звенит. Пахать-сеять пора. А без тягла весны нет, одни мучения. Жди-пожди, когда кто первый отсеется, чтобы на пару дней тягло у него занять. Отец просить не умеет и не любит. Говорит, сам впрягусь...

Солдат опять вздыхает:

– Эх, ваше преподобие, был бы я дома, рядом с ними, а так ведь...

Мне искренне его жаль. В душе я уже понял, что смогу ему помочь, поскольку только вчера получил свое первое жалованье.

– Вот, отошли родителю.

Увидев ассигнации, солдат растерялся:

– Ваше преподобие, ваше преподобие, это как же так? Деньги-то ведь какие!.. Сразу вола купят... И лошадь, ваше преподобие...

Солдат долго бормотал слова благодарности:

– Постараемся понемногу отдавать, – и... заплакал.

– Успокойтесь, все хорошо, а будете отсылать, передайте от меня добрые пожелания.

– Обязательно, ваше преподобие, обязательно... – и, широкой ладонью смахнув слезы, счастливо рассмеялся.

Улыбнулся и я. День был светлый и радостный. Один из моих первых дней в должности военного пресвитера. Вечером, вознося молитву Творцу нашему, я поблагодарил его за то, что представилась возможность сотворить радость.

На Покрова Пресвятой Богородицы после утренней службы солдат принес мне подарок.

– Вот, велено передать вам, отец Сергей!

И протянул нечто завернутое в кусочек отбеленного полотна.

– И что сие значит?

– Велено вам передать, – повторил Корчик.

– Что велено и кем велено? – я развернул полотно. На нем лежал наперсный крест с цепью. Стало видно, что это очень старинный крест, и он меня сразу чем-то привлек, чем-то понравился. Бывает такое, когда в твои руки вдруг попадает знак, духовно связывающий тебя с далекими предками. Первое, что я ощутил, когда взял крест в руки, теплоту, исходившую от потемневшего металла. Ощущение столь необычное, столь непривычное, что я, придя к себе, долго рассматривал крест, чувствуя, как необъяснимое тяготение появляется к нему в душе. Спустя время, будучи в Минске, показал подарок его высокопреосвященству Александру и попросил благословения на ношение.

Мы за чаем долго рассуждали, какие пути он прошел, что встречал на этих путях, какие молитвы слышал и какие судьбы видел за прошедшие столетия...

– Намоленности крест превеликой, может, этим и возможно объяснить его постоянную теплоту. Теперь вот и ваши пути пересеклись, и судьбы повязались, – и владыка возложил крест на меня.

Затем спросил:

– Каково же тебе среди военных? Не обижают? Хотя тебя и не обидишь. Наверное, вспоминают, как ты их на сабельках-то всех обходил? Да, великие дела наше воинство ожидают, великие. Да поможет всем нам Господь наш Иисус Христос нести каждому свой крест достойно.

Сопровождавший меня Миткевич вздохнул:

– Везет же тебе, брат мой.

Правда, я так и не понял, в чем скрывалось мое везение.

...А жизнь шла своим чередом. Обычная гарнизонная жизнь, в которой мне приходилось многое познавать, многому учиться. Соразмерно неспешная, но и не медленная. Полк готовился к войне. Вся Россия готовилась к войне с Османской империей. Братья-славяне на Балканах взывали о помощи, и мы отозвались на этот зов. Мы не могли не отозваться. Об этом писали все газеты. Об этом спорили в офицерских собраниях...

IV

Сегодня воскресенье, 17 апреля 1877 года.

Это – день рождения государя императора, и в Минске намечены большие торжества. Наш полк участвует в них. Накануне подполковник Кременецкий и еще несколько офицеров штаба ездили в город на соборную площадь, где уточнялось построение и передвижение войск.

– Нам стоять рядом с шуйцами.

118-й Шуйский пехотный полк квартировался в Слониме. Ходила молва, что его хотят перевести в Гродно, поскольку офицеры жаловались на плохое жилье.

– Да балуют они, уж кому-кому, а шуйцам всегда все лучшее и наперед, – поговаривали наши офицеры, – вон «берданки» они еще с осени получили, а нам почти перед самым походом выдали.

– Шуйцы любят себя.

– Посмотрим, каковы они в настоящем деле!

Наш полк, начиная от Кременецкого, отмеченного многими наградами еще за севастопольскую кампанию, до возглавляемой поручиком Петровым оружейной команды, недавно прибывшей к нам вместе с бородатыми мастерами Тульского оружейного завода, готовился к участию в параде основательно. Когда еще придется продемонстрировать свою удасть перед минскими красавицами, коими Петров постоянно восхищался:

– Господа, у меня сложилось впечатление, что в граде сем Минске общество тем и занимается, что выращивает и выводит в свет красавиц, способных украсить лучшие салоны Европы.

Все мы оставались в неизвестности относительно того, бывал ли сам Петров где-то дальше Тулы. Он моложе меня на пару лет. Разговариваем от случая к случаю. У нас совсем разные интересы. Оружие он знает хорошо, чем радуется Кременецкого, которому поставлена задача – скорее научить полк обращаться с новыми винтовками. Но на богослужениях в нашей полковой церкви, небольшом деревянном приходском храме, я Петрова вижу редко. На мой укоризненный вопрос оправдывался тем, что все дни проводил вместе с ротами на стрельбище. Благо оно недалеко. В паре километров от Малой Слепянки. «Берданки» там изучаются и пристреливаются. Первую пристрелку провели под Божие благословение, с молитвой и освящением оружия.

Офицеры винтовками довольны. Майор Леонид Лещинский обстоятельно мне пояснил:

– Это самые современные военные системы. Вот такого оружия как раз армии и не хватает. А тем, что у нас было, с турком воевать крайне затруднительно, да и невозможно, поскольку турок уже обзавелся винчестерами.

Ротные командиры Соколовский и Миранович, а также подпоручик Каненберг показали поразительно меткую стрельбу, став героями дня. О подпоручике Каненберге я поначалу думал, что он из тех иностранцев, которых немало понаехало в Россию за хорошим заработком. Но он исправно посещал полковую церковь, усердно молился, был хорошо образован и необычайно приветлив в общении. Оказалось, что у подпоручика только фамилия немецкая, а сам он православных кровей. По большому секрету Лещинский поведал:

– Из незаконнорожденных, воспитанник Санкт-Петербургского военного лицея. Там ему и фамилию эту дали. А чего проще – Иванов, и все на том. Но военное дело, как видите, знает превосходно.

Солдаты после удачных стрельб довольно переговаривались:

– Теперь в турка промаха не дадим!

Вместе с «берданками» в полк пришли и ящики с невиданными до сих пор револьверами. Изготавливали их, как сказал Петров, по американским лекалам на Тульском оружейном

заводе. Назывались они системы «Вессон Смит». Офицерам очень нравились. Револьверам поначалу полковые остряки придумали название «Вася с Митькой», а солдаты, коим офицеры отдавали на чистку оружие после стрельбы, те и вовсе стали называть револьверы «митьками».

На стрельбище Лещинский уговорил меня выстрелить из такого «митьки» по приколоченному к доскам черному бумажному кругу, выставленному метров за пятьдесят от бруствера. И офицеры, и солдаты с интересом прислушивались к нашему разговору.

– Отец Сергей, а если в бою придется, как будете управляться с оружием? – и Лещинский показывает, как вести огонь из револьвера.

– Господин Лещинский, мое оружие – вот оно, – и я приложил руку к кресту.

– А если? Неужели не покажете всем нам, на что будет способен священник на поле боя. Отец Сергей, в полку свидетельствуют, что в семинарии вы были одним из лучших фехтовальщиков?

Посыпались просьбы и от других офицеров. Мне ничего не оставалось, как взять в руки револьвер и сделать несколько выстрелов. Как только я завершил стрельбу, к черному кругу со смехом устремилась толпа любопытствующих. И сразу оттуда донеслись восторженные возгласы:

– Bravo, отец Сергей, bravo!!

– Прекрасно!

Кто-то даже зааплодировал, ибо все пули легли прямо в центр черного круга.

Кременецкий сам пошел, чтобы удостовериться, после чего перед солдатским строем произнес краткую речь:

– Что я могу сказать, отец Сергей нас восхитил. Да, крепость веры – твердость руки, и результат очевиден. Это и есть для всех достойный пример.

Мне неловко, я смущен и растроган всеобщим вниманием.

И на стрельбище, и со стрельбища роты ходят пешим строем и непременно с песней. Лучше всех пела первая рота, в которой служил рядовой Корчик.

– Вот гармоники нет, а то мы бы еще и не так спели!

Когда в зале дворянского собрания выставили для всеобщего обозрения картину «Болгарские мученицы», все офицеры полка ходили смотреть. Я видел, как подполковник Кременецкий плакал. И не только он. Художественное полотно было потрясающим.

V

У штабс-капитана Мирановича отменное настроение. Месяц назад ему жена родила сына. В крещении участвовал весь полк. После крещения офицеры несли Мирановича до самого дома на руках под громогласное «ура». Впереди вышагивал, высоко подняв вверх расписной ночной горшок, в котором плескалось нечто подозрительное, командир второй роты штабс-капитан Иван Соколовский, большой шутник и выдумщик. Этот горшок он, в свою очередь, получил несколько лет назад из рук нынешнего начальника штаба полка майора Леонида Лещинского. Сам майор гордился тем, что его род имел глубинное начало. Его далекий прапрадед был псаломщиком в Лещинской церкви в древнем Пинске. И фамилию свою вписал он в церковную книгу как Лещинский. С тем и пожаловал на свет его большой и ветвистый род. Когда у майора родился сын, то за офицерским столом Соколовский пустил по кругу расписной глиняный ночной горшок, полный ячменного пива с двумя плававшими в этой самой желтоватого цвета жидкости колбасками. Совсем не респектабельного, я вам скажу, вида содержимое. Никто не мог сообразить, что же на самом деле там было налито и что в том налитом плавало. Кое-кто даже брезгливо поморщился. И когда Соколовский, отхлебнув из горшка, закусил колбаской, поднялся невероятный шум, восторг: «Браво! Браво!» Все отдавали должное такому остроумию. Горшок был осушен вмиг, колбаски съедены. Затем в горшок уже наливалось вино, количество которого не измерялось.

– Балагуры, известное дело, – резюмировал господин Кременецкий, который в силу своего служебного и семейного положения старался избегать таких вечеринок, где холостяки предавались винопитию, самозабвенно исполняя романсы под перезвон гитар.

В семье Лещинского горшок хранился до той поры, пока у самого Соколовского не родилась дочь. Теперь этот горшок, ставший своеобразным полковым символом семейного счастья, несли впереди Мирановича, в семье которого ему придется ожидать следующего счастливица.

Все эти дни штабс-капитан на седьмом небе от счастья.

– Ваше преподобие, вы не изволили принять мое предложение?

– И не приму! У каждого свой крест...

– Я так и знал! – и громко хохочет, да так, что стоящие около штабной коновязи оседланные лошади вскидывают головы и стригут ушами.

Миранович всегда смеется громко, заливисто. Мне нравится его искренний смех.

– Я так и знал! А мой-то крест какой, ваше преподобие? За веру, царя и Отечество?!

– Вот именно!

– Славно, весьма славно!! И перво-наперво – за веру!

– Как сынок ваш, Алексей Дмитриевич? – теперь с легкой руки поручика Петрова офицеры между собой зовут штабс-капитана просто – Митрич. И мне это по нраву. В миру человек семейный по статусу и должен быть выше холостяка. Правда, офицеров-холостяков в полку абсолютное большинство. Это отличительная черта военной службы. Женятся ближе к отставке.

Двое дневальных прислушиваются к нашему разговору и тоже улыбаются. Они на выгульной площадке для лошадей убирают в широкую, плетеную из ивовых прутьев корзину свежие навозные кучи, чем вызывают недовольный писк огромной воробьиной стаи. Над Малой Слепянкой голубеет небо. Под заборами на солнечной стороне зеленеет молодым ежиком трава. Ее усердно щиплют худосочные гуси. Здесь многие солдатские семьи держат гусей. По этой живности наш гарнизон уступает разве что Комаровскому фольварку. Гуси всегда вызывают недовольство у вышестоящего командования, когда их стаи дружно захватывают строевой плац. Вожаки стай встречают каждого проходящего мимо громким сердитым шипеньем. Кременец-

кий ко всему относится терпимо: «Что для солдата хорошо, и для командира тоже недурственно».

У некоторых солдат жены отменные мастерицы, делают пышные пуховые подушки и даже перины, которые предлагают прибывающим в полк молодым офицерам. Говорят, что поручик Петров купил несколько таких подушек.

На флагштоке перед штабом полощется на легком ветру флаг.

День рождения Его Величества государя императора Александра Николаевича отмечается ежегодно. Кременецкий после полковой молитвы приказал выдать солдатам, не участвующим в городском параде, по чарке водки на завтрак.

– Остальные, дабы не иметь неприятных сюрпризов, свое получают после возвращения.

Участники парада выстраиваются в полковую колонну. Кременецкий приглашает меня к себе в тарантас. Над полком взлетает команда, и роты начинают движение.

VI

С балконов, а то и прямо с карнизов, свисают флаги. Площадь уже заполнена народом. Суетятся городовые, стоящие в оцеплении, стараясь не допустить на места, отданные полкам, основательно напирющие толпы. Справляются с превеликим трудом, потому что народ все прибывает и прибывает. Полк марширует по людскому коридору и занимает отведенное место рядом с шуйцами. Чуть поодаль, как раз напротив входа в кафедральный собор, стоят уланы. Их немного. Говорят, что почти весь уланский полк уже в Молдавии.

Мы с Кременецким и офицерами штаба направляемся в кафедральный собор. Здесь по случаю празднования дня рождения государя высокопреосвященным архиепископом Минским и Бобруйским Александром совершается Божественная литургия, в конце которой священником Феодором Миткевичем произносится слово применительно к торжеству. У Миткевича дар писать речи, составлять проповеди... В семинарии его постоянно нам приводили в пример.

По окончании литургии в преднесении чудотворной иконы Божией Матери начинается крестный ход, и мы выходим на соборную площадь. Она буквально наполнена до краев народом и войсками.

После завершения крестного хода его высокопревосходительство командующий войсками Виленского округа генерал-адъютант Петр Павлович Альбединский зачитывает высочайший манифест о вступлении российских войск в пределы Турции. Зачитывает громко. С большими паузами. Его окружение любит мужественным видом генерал-адъютанта.

Чтение манифеста завершается громовым «ура-а-а!!!», которое трижды перекачивается над площадью, сотрясая ее окрестности.

Полки замирают, а народ продолжает кричать. Ветер, пропитанный запахом весенней Свислочи, по берегам которой важно выхаживают аисты, поселившиеся на многолетних дубах архиерейского подворья, полощет знамена, играет темляками... Над толпами взлетают шляпы, кепи, дамские шляпки, платки, перчатки...

Архиепископ Александр поднимает вверх руку, давая понять, что нужна тишина, и она понемногу воцаряется.

– Христос воскрес! – начал владыка. – Наконец произнесено роковое слово «война с Турцией», слово, так долго томившее и волновавшее умы и сердца всех русских, слово, более года бывшее почти у каждого из нас на устах...

Пронзительный женский крик взрывает эту благоговейную тишину:

– Ура-а-а!!!

Его опять поддерживают тысячи других. Владыка ожидает, пока воцарится тишина. Я чувствую, как бьется сердце.

...– Торжественно произнесено это решительное слово благочестивейшим государем нашим императором всероссийским, произнесено монархом миролюбивейшим, который при вступлении на прародительский престол решил прекратить кровопролитную крымскую войну для блага своего народа, не думая о собственной славе.

Слышу, что стоящий рядом Кременецкий тихонько говорит майору Лещинскому:

– Истинно так!

...– Который в продолжение двадцатидвухлетнего царствования употреблял все меры и средства к водворению прочного мира между народами и царствами Европы и ясно доказал, что он не ищет завоеваний. Который и при настоящих обстоятельствах два года терпел, ожидал, не щадил никаких усилий для избежания тягостной для своего народа войны. Который ничего не требовал и не требует от враждебной Порты ни для себя, ни для своего государства. Одного лишь желает и требует: твердой, положительной защиты угнетаемых единопле-

менных и единоверных нам славян от невыносимого турецкого ига. Избавления христиан от поголовного избиения, освобождения их от тех ужасных мучений и насилий, которым непосредственно подвергали и подвергают несчастных христиан неистовые мусульмане...

Народ и войска внемлют каждому слову. Голос владыки звучит над площадью подобно набату:

– Братие! Сердце царево в руце Божией. А потому объявленная ныне помазанником Божиим война начинается, конечно, не без внушения Божественного промысла, пекущегося о царствах и народах и обо всех людях. Так думать и веровать мы должны, тем более что к отклонению войны употреблены были все меры, все искусство мудрости человеческой. Тем более что и война предпринята не из каких-либо честолюбивых или корыстных видов, а, собственно, для защиты невыносимо страждущих православных славян, предпринята по чувству справедливости и истинной чести нашего Отечества. Война, значит, священная, необходимая, неизбежная.

Кременецкий опять что-то шепчет Лещинскому, но я не слышу, только по выражению их лиц вижу, как взволнованы офицеры.

– Да будет воля Божия – благая, содействующая нам в поражении врагов, споспешествующая успехам бранного оружия нашего! – слова владыки ложатся на мое сердце так, как будто оно до сего времени специально берегло там для них свое место. – Сыны России! Война не может не сопровождаться великими жертвами, многими лишениями, которые потребуются не от одних только сражающихся на поле брани, но и от всех мирных жителей обширного царства. Для успешного ведения войны требуется всеобщее наше участие, сочувствие и содействие.

Каждое слово врезается в память, и я понимаю, что к этому слову я еще не раз буду возвращаться и возвращаться в том благословенном походе, в котором предстоит участвовать и Минскому полку.

– Что ж, останемся ли мы холодными, равнодушными зрителями начатой войны? Откажемся ли участвовать в необходимых жертвах для оной?

– Не-ет! – срывается и висит в воздухе все тот же громкий женский крик. – Не откажемся!!!

Ветер играет нашим полковым знаменем, которое держит высоченный и хорошо сложенный подпоручик Каненберг, рядом с ним с пашками наголо такие же здоровенные ассистенты прапорщики Навуменко и Федорович. Я вижу, как толстые, из шелковых шнуров знаменные кисти раскачиваются и бьют по лицу Каненберга, но тот невозмутим.

Владыка продолжает:

– Да, именно нет! Мы всецело обязаны и, с уверенностью думаю, готовы содействовать успехам нашего победоносного воинства всеми возможными для нас силами и средствами. Готовы жертвовать своим имуществом и достоянием на усиленные потребности войны. Готовы усердно заботиться о раненых и больных воинах, об их семействах и доставлять им средства к безбедной жизни.

– Истинно так, владыко... Истинно так!! – многочисленные крики со стороны горожан. В их толпах буйствует сила уверенности, сила единения, сила готовности прямо сейчас вместе с войсками незамедлительно идти туда, на Балканы.

– Православная церковь непрестанно будет молить Господа сил, чтобы он, Преблагий, благословил и увенчал победами оружие нашего воинства, восставшего на защиту угнетаемых, терзаемых и избиваемых славян, на защиту чести и достоинства нашего монарха и славы нашего Отечества, бесславленного нашими врагами. Непрестанно будет молиться о здравии и благоденствии благочестивейшего государя и царственных вождей брани, об умудрении и о спасении их от всякой опасности, молиться обо всем Христолюбивом воинстве.

Я еще никогда не слышал такой проповеди, в которой было бы сконцентрировано столько мощи и духа. Этой мощи и духу архипастырского слова внимали все, кто смог вместиться на кафедральную площадь.

– К молитвам Церкви да присоединит свои молитвы и каждый сын России, с полной верою и надеждою на всеильную, всепобеждающую, все неправды сокрушающую помощь Божию.

В окружении генерал-адъютанта Альбединского много дам, которые аккуратненько крестятся.

– С этой твердою верою в Промысел Божий и усердною молитвою в уповании на всемогущую Божию силу воскликнем словами богодухновенного пророка: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!» Аминь!

Владыка завершает свое слово.

Теперь все усердно крестятся, от его высокопревосходительства до солдата, стоящего в самом крайнем ряду.

Затем начинается благодарственное Богу молебствие с присоединением молений об успехах русского оружия. Оно завершается под громкие возгласы:

– Слава!!! Слава!!! Слава!!!.. Урр-а-а!

В конце молебствия провозглашается многолетие государю императору, всему царствующему дому и христоролюбивому всероссийскому победоносному воинству.

– Слава!!! Слава!!! Слава!!!.. Урр-а-а!

На мои глаза наворачиваются слезы. Душа ликует.

Полковые оркестры, соединенные воедино, играют «Боже, царя храни». Офицеры берут под козырек. Народ начинает петь гимн. Особенно усердствует молодежь.

Все под впечатлением торжественности и необычности происходящего. Каждый из нас чувствует свою сопричастность к великому и благородному делу.

Обратно в Малую Слепянку полк возвращается с песнями. Над колонной взмывает к небесной голубизне голос рядового Корчика:

*Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать...*

... и полк молодецки, с лихим подсвистом подхватывает:

*То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять!*

Впереди каждой роты офицеры на лошадях. Наш тарантас замыкает колонну. Весьма пыльно. Денщик, сидящий на передке, нервно тербит вожжи:

– Может, обгоним, ваше высокоблагородие?!

Подполковник Кременецкий протестующе машет пальцем:

– Ни-ни, пыль – это сущий пустяк! – и слушает с умилением. – Вот они, мои солдаты!! Они и умирать за веру и Отечество будут с песней! Я видел их под Севастополем! Нет людей более геройских, чем наши люди!

Тарантас медленно катит по проселочной дороге, покачиваясь на ухабах. Мы продолжаем глотать пыль, взбитую сотнями крепких ног, обутой в новые сапоги.

А над окрестными полями разносится:

*Наши жены – пушки заряжены,
Вот кто наши же-оны-ы!*

– Да, ваше преподобие, мы, считайте, уже отправляемся на войну. Думаю, что нас здесь долго не задержат.

Полк сворачивает в сторону длинных двухэтажных деревянных казарм. Мы едем прямо к штабу. Улица свободна, и денщик радостно взмахнул кнутом.

VII

Газеты «Новое Время» и «Русский Инвалид» в Минске нарасхват. У публики невероятный интерес к тому, что печатается о войне, которая еще где-то там очень далеко. Особый интерес вызывает рассказ о прибытии государя императора в Кишинев...

Прошло несколько дней, а нас никуда не отправляют, хотя я уже послал отцу весточку в Дударево о том, что это может случиться с минуты на минуту. Не случается. Все в полном неведении.

После утренней молитвы в большой штабной комнате майор Лещинский, аккуратно проведя щеточкой по пшеничного цвета пушистым усам, четко, без малейшей запинки зачитывает опубликованный в «Новом Времени» приказ главнокомандующего великого князя Николая Николаевича по войскам действующей армии. Зачитывает так, словно этот приказ он написал самолично и именно этим приказом решается исход всей предстоящей балканской кампании:

«Сотни лет тяготеет иго турецкое над христианами, братьями нашими. Горька их неволя! Все, что дорого человеку: святая вера Христова, честное имя, потом и кровью добытое добро, – все поругано, осквернено неверными. Не выдержали несчастные и восстали против угнетателей, и вот уже два года льется кровь христианская. Города и села выжжены, имущество разграблено, жены и дочери обесчещены, население иных мест поголовно вырезано.

Все представления монарха нашего и иностранных правительств об улучшении быта христиан остались безуспешными. Мера долготерпения нашего царя-освободителя истощилась. Последнее слово царское сказано: война Турции объявлена!

Войска вверенной мне армии! Нам предстоит исполнить волю царскую и святой завет предков наших. Не для завоеваний идем мы, а на защиту поруганных и угнетенных братьев наших и на защиту веры Христовой.

Итак, вперед!

Дело наше святое, и с нами Бог!

Я уверен, что каждый, от генерала до рядового, исполнит свой долг и не посрамит имени русского. Да будет оно и ныне так же грозно, как и в былые годы!»

По ходу чтения газеты Лещинский делает краткие комментарии к приказу, как-то: «Отменно прописано... Отменно сказано... Видите, чувствуете, господа, сколько экспрессии, сколько благородства!»

Приказ магически действует на офицеров. На лицах прописаны благородство, отвага, и я подумал: они обязательно сладят с турком, побьют его непременно. Голос Лещинского отточен, словно острие офицерского палаша: «Да не остановят нас ни преграды, ни труды и лишения, ни стойкость врага.

Мирные жители, к какой бы вере и к какому бы народу они ни принадлежали, равно как и их добро, да будут для нас неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно. Никто не должен позволить себе произвола.

В этом отношении я требую от всех и каждого самого строгого порядка и дисциплины. В них наша сила, залог успеха, честь нашего имени.

Напоминаю войскам, что по переходу границы нашей мы вступаем в издревле дружественную нам Румынию, за освобождение которой пролито немало русской крови. Я уверен, что там мы встретим то же гостеприимство, как и предки, и отцы наши. Я требую, чтобы за то все чины наши платили им, братьям и друзьям, полной дружбой, охраной их порядков и безответной помощью противу турок, а когда потребуется, то и защищали их дома так же, как свои собственные. Николай!»

Простенько и вместе с тем значимо – «Николай»!

Лещинский делает паузу, ожидая, покуда утихнет шум:

– Господа, а вот эти строки приказа: «Да не остановят нас ни преграды, ни труды и лишения, ни стойкость врага!» – должны стать нашим боевым девизом! Каково?!

Офицеры громко и азартно рукоплещут. Миранович вскакивает со стула и объявляет:

– Сегодня Шуйский полк уходит. Еще позавчера они отправили своих фурыеров.

– Говорят, драгуны полка Ее Величества уже пощипали кое-где турка.

– И не только драгуны...

Все с оживлением начинают обсуждать эти неведомо откуда появившиеся новости.

Только что прискакавший из Минска штабс-капитан Соколовский с воодушевлением потрясает в воздухе свежим номером «Русского Инвалида»:

– Господа, господа, послушайте! Послушайте, господа, вот напечатан приказ по Кавказскому военному округу!

«Апреля 12-го дня, 1877 года, в городе Тифлис.

Войска Кавказской армии!

Державная доля государя императора призывает вас ныне к защите оружием чести и достоинства нашего Отечества. За вами – славное прошлое кавказских войск, перед вами – поля и твердыни, обгаренные кровью ваших отцов и братьев! Вперед, с Богом за Родину и великого Государя!

Главнокомандующий Кавказскою армией
генерал-фельдцейхмейстер Михаил».

От волнения лицо Соколовского, круглое, всегда такое доброе, краснеет, наливаясь суровостью и сам он, невысокий крепыш, уподобается чему-то монолитному, несокрушимому. Этот приказ действует на всех еще более возбуждающе. Ощущение такое, что вот дай им волю, они незамедлительно оседлают лошадей и ускачут навстречу своей судьбе. Без страха и упрека. Я слушаю. Мне немного смешно и грустно.

Когда у меня с Кременецким речь заходила о войне, тот начинал усердно мять, тереть, поглаживать разорванную французской пулей мочку уха:

– Зудит, право слово, зудит. Ведь возьми француз немного левее – и впил бы пулю прямо в лоб. Война? О, ваше преподобие, война – это и пот, и кровь, и слезы! Это молох, истинный молох! Война рождает и героев, и подлецов, и еще неизвестно, кто кем будет. В крымскую кампанию я всякого навиделся, и сказать, чтобы увиденное весьма меня порадовало, так нет! Сколько я своих друзей отдал крымской земле, да каких! Они вот так же восторженно кричали «ура», смело, даже лихо ходили в штыковую атаку... Да-а, война – это исчадие ада в его малом проявлении на земле, ваше преподобие. Правда, постоянно тешишься мыслью, что для тебя еще и пуля не отлита, и штык не выкован. И эта мысль в каждой молитве, когда к Богу ее возносишь. Так что будьте готовы ко всему.

Его рассуждения меня не во всем устраивали. Пусть война и исчадие ада, но ад должен быть только для врагов наших. Я никогда не был на войне, однако в мою память мальчугана врезались пожары, пускаемые по многим деревням в 1863 году... И отец, стоя у окна, говорил: «Вот теперь за Малюками где-то горит», – падал ниц перед иконами, молился, чтобы лихая беда не влетела в село... И как нам привезли страшную весть, что на случком тракте какие-то бандиты убили нашу матушку. Вместе с ней погибла и родня, ехавшая к нам в гости на мои именины. Я боялся смотреть в окно, становился рядом с отцом на колени и тоже молился.

И плакал...

Кажется, до сей поры я на щеках чувствую влажность тех слез, выпланных и невыплаканных. Горечь этих слез так и осталась во мне навсегда.

В последние дни офицеры чрезвычайно взбудоражены.

– Господа, господа, а мы все здесь, как наседки на цыплятах! – возмущались одни.

– На перинах, господа офицеры, на перинах! – ерничали другие.

– Кременецкий сегодня вместе с Зотовым на приеме у Альбединского. Интересно, что сейчас решается?

– Думаю, Альбединский предлагает, чтобы всю дивизию отправлять до Киева по Днепру...

– Весьма интересно, весьма. И что же?

– Скорее всего, Зотов упрямится, ведь 30-я дивизия лучшая в его 4-м корпусе. По Днепру хорошо только артиллерию, боеприпасы и провиант. Как свидетельствуют осведомленные лица, все части идут маршем по нескольким маршрутам самостоятельно и соединяются у Кишинева...

– Господа, наш-то полк как?

– Как Зотов решит, так и будет!

– Господа, доподлинно известно, что маршруты движения уже отмечены, но это все весьма строго секретно.

– Да полноте вам, Миранович, целый год все обсуждаем, каким маршрутом лучше всего следовать, а теперь вдруг невероятно секретно.

– Ваше преподобие, а вы по Днепру с обозами или с нами?

Это уже в мою сторону. Я улыбаюсь:

– Только с вами, господа, только с вами. Иного мне и не дано!

Мне рукоплещут.

Громкая команда дежурного по полку. Это означает, что прибыл Кременецкий. Все поворачиваются в сторону двери. Какие новости он привез? Офицеры плотным кольцом сразу окружают командира. Кременецкий предельно краток:

– Господа, у меня известия – те, которых вы все ждете, – он делает паузу, – рота Мирановича представит полк на молебне на соборной площади по случаю нашего выступления на войну. Остальным готовиться к походу! Выступаем двадцать четвертого апреля.

Кременецкий смотрит в мою сторону:

– Ваше преподобие, если у вас есть какие срочные дела, то...

– Нет-нет, Василий Никитич, у меня все готово, поэтому обязательно буду присутствовать на молебне.

– Как вам будет угодно-с. Возьмите мой экипаж.

VIII

Сегодня четверг, 21 апреля. В небе курчавятся легкие белесые облака. В воздухе аромат цветущих яблонь: нынче они рано зацвели. В народе говорят, что это славное знамение. Накануне я съездил к отцу в Дударево. Он еще раньше закончил побелку деревьев, а теперь выставил из омшаника улья, и по саду плыло радостное гудение пчел. Отец любит пчелиный гуд: «Он взывает к труду, к получению от труда благости». Мне и самому нравилось пчелиное гудение, от которого весь наш сад жил какой-то особенной, реально ощутимой жизнью. Даже облетавшие лепестки не просто опали на землю как нечто ненужное, отжившее, посчитавшее, что отмеренный путь уже пройден и там, на ветвях, теперь зародилась новая жизнь, – они кружились, скользили под эту пчелиную песню, под пчелиную музыку, отмеряя такт за тактом, до полного завершения своего последнего танца, воздушного и неслышного. Земля, усеянная под яблонями этими лепестками, тоже становилась воздушной, нарядной...

На обратном пути я думал о том, как все взаимосвязано, как просчитано Великим Творцом в самом маленьком, том же пчелином гудении, и в самом большом, человеческом восприятии его.

В Минске по ту сторону Свислочи, над Троицкой горкой, кружат аисты. Их в этом году как никогда много. Везде, где только возможно, они строят гнезда. Особенно облюбовали крыши высоких зданий, коих в Минске за последние годы весьма прибавилось. Дворники ругаются, лезут по крышам с длинными шестами, на концах которых набиты гвозди, цепляют, сбрасывая гнезда наземь. Детвора негодует, плачет. Аисты тоже упорствуют и опять носят ветки на облюбованные места. И кто кого пересилит?

10 часов утра. Соборная площадь полна народа. В каре выстроились 30-я артиллерийская бригада и 2-я бригады легкой артиллерии, другие части 30-й пехотной дивизии.

Высокопреосвященным Александром в служении всего градского духовенства совершается из кафедрального собора в преднесении Минской чудотворной иконы Божией Матери крестный ход на соборную площадь. Здесь в присутствии их высокопревосходительств господина командующего войсками Виленского округа генерал-адъютанта Альбединского и господина командира 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Зотова, а также его превосходительства господина начальника губернии тайного советника Чарыкова был отслужен напутственный молебен. Его высокопреосвященство обратился к войскам с глубоко прочувствованной напутственной речью. Ее заранее отпечатали и перед молебном раздали всем полковым священникам и офицерам. Она будет долгие годы храниться в моем походном сундучке.

«Христоименитые воины!

После долгого мирного и спокойного стояния вашего в богоспасаемом граде сем и стране нашей высочайшая, священная для всех верноподданных воля Монарха призывает вас в дальнейший путь, ведущий ближе к месту брани русского воинства с неверными, неистовыми турками.

Святая Церковь напутствует вас благословением и молитвенными благожеланиями. Да будет путь ваш благопоспешен, мирен и безболезнен. Да вселит в вас Господь дух бодрости и мужества и дарует вам крепость сил телесных и душевных.

Если Промысел Божий приведет вас на поле брани, да не устршит вас близость смерти!

Жизнь наша в руке Божией. Опасность смерти близка для каждого из нас и среди мира, на всех путях жизни. К смертной опасности воины приготовлены самым званием, службою вашею. При первом поступлении на службу обязались вы священной присягою не щадить живота своего для защиты престола и Отечества, идти даже на смерть по гласу Монарха.

Ныне предстоит вам подтвердить это клятвенное обещанием самим делом. Да одобряет и утешает вас при этом высокая мысль, что настоящая война вполне справедливая, священная

– война вынужденная, за веру Христову, за честь и славу нашего великого государя и России. Война эта начата не ради корыстных и честолюбивых видов и расчетов, не для каких-либо захватов и приобретений (своей земли у нас с излишком), а предпринята для защиты и освобождения угнетаемых, мучимых и терзаемых православных славян неистовыми мусульманами.

И в мирное время кто из вас отказался бы помочь утопающему в реке или подвергнувшемуся опасности сгореть во время пожара?

Кто равнодушно стал бы смотреть на поднятый разбойником нож на несчастного мирного соседа и не решился бы вырвать оный и удержать злодея от убийства?

Спасающие в таком случае от воды, огня и меча сами подвергаются смертельной опасности. Но о том не думают, а единственно заняты мыслию и желанием избавить ближнего от гибели.

Не тем ли более заслуживают помощи и защиты единоплеменные нам христиане, тысячи которых погибают от мучений, семейства которых подвергаются страшным насилиям и избиению. На защиту и освобождение этих несчастных христиан и восстал благочестивый Монарх наш со своим христолюбивым воинством!

Да не смущает вас скорбная мысль о семействе, о близких родных, оставляемых вами. Семейства ваши не будут оставлены без призрения попечительным правительством, не будут забыты добрым русским народом и обществом. Православная Церковь непрестанно будет молиться о вас, о вашем спасении, о даровании вам победы, если придется вступить в сражение с врагом, и о скорейшем возвращении вашем со славою и честью с поля ратного. Будет особенно молиться об убиенных на поле брани, молиться о них, чтобы Господь удостоил их как исполнивших священный долг свой, как пострадавших за веру и Отечество венцев победных мученических.

Не забывайте, христолюбивые воины, и сами усердно молитесь Господу Богу о даровании вам мужества и победы над неприятелем, о своем спасении и сохранении от смертной опасности. Старайтесь удаляться от всякого греха и хранить себя в чистоте душевной и телесной, памятуя, что час смерти близок к вам и может застать не готовыми предстать по смерти на суд Божий.

Святая икона сия, которую вручаю вам от лица Церкви в напутствие, и молитвенное благословение да служит для вас знаменем охраны и избавления от неприятелей, да служит залогом победы над врагами, а Пресвятая Матерь Божия, на ней изображенная, да будет всегда вашим покровом и заступлением перед Господом нашим Иисусом Христом, в державной деснице коего жизнь и спасение всех нас. Аминь».

Эту речь я снова зачитаю перед полком после молитвы, когда мы будем переправляться через Дунай у Систова. С нее начну свое напутственное слово офицерам и солдатам, когда будем сдерживать яростные атаки у Плевны... Я выучу ее наизусть, как молитву за воинов, творящих победу.

По окончании службы архипастырь благословил войска чудотворною иконою Казанской Божией Матери, и особо генералов, полковых командиров. Знаменосцев благословил финифтяными изображениями Минской Божией Матери. Затем после провозглашения многолетия государю императору, всему царствующему дому и христолюбивому победоносному всероссийскому воинству полковые знамена и все войска были окроплены святой водою.

Впереди – боевой поход.

IX

До небольшого придунайского городка с дивным названием Систов наш полк добрался без особых преград и приключений. Уже в начале июня мы увидели узкие, зажатые ладонями невысоких каменных построек улочки. Крытые рыжей черепицей крыши. Большое количество фруктовых деревьев. По склонам холмов ухоженные поля. Огромные отары овец.

Дунай стальным блестящим лезвием палаша рассекал эти холмы, поля, стремительно, даже неистово неся свои воды к далекому Черному морю. Вода была такой же кристальной прозрачности, как и в моем родном Немане. Я набираю ее в горсть и омываю лицо. Прохлада бодрит, ибо день был несказанно тяжелым. Полк шел торопясь. У Систова мы должны были соединиться с приданной нам болгарской бригадой народного ополчения.

Но вот мы уже и на берегу Дуная, а болгар пока не видно. Оказывается, они несколько правее и на сам берег не выходили. Подполковник Кременецкий разрешил поротно искупаться, благо, как передала болгарская разведка, турки находились в некотором отдалении на другом берегу. Рота штабс-капитана Мирановича, весело переговариваясь, снимает амуницию.

- Болгары говорят, что у турок устроены крепкие укрепления.
- Какие бы ни были, а брать придется.
- Потому и придется, что они на нашем пути.
- Говорят, болгары уже все узнали и обо всем доложили нашим начальникам...
- Ежели так, то теперь только от них все и зависит.
- Что именно?
- Сколько нашего брата здесь поляжет, а сколько уцелеет, а пока там тишина...
- На том басурману и спасибо.

Однако стоило нескольким офицерам и солдатам забелеть нижним бельем на берегу и окунуться в речную прохладу, как воду вспенили фонтанчики пуль, и эхо выстрелов легким барабанным боем напомнило всем, что мы на войне.

Офицеры начали пристально всматриваться в противоположный берег, откуда началась стрельба.

– Ваше благородие, турок никак в кустах затаился, – подсказывали солдаты. – Может, и мы постреляем?

Но в густом прибрежном ивняке ничего подозрительного не замечалось.

– Огня не открывать!

– Всем отойти в тыл!

Солдаты удрученно собирают снаряжение.

– Вот басурман!

– Гад, конечно, и пот не дал смыть.

– А винтовки у него знатные.

– Да, прицельно бьют.

Болгары из народного ополчения, которые встретили нас несколько дней назад еще на подходе к Систову, о чем-то оживленно переговаривались.

Вечером на тот берег поспешили пластуны вместе с болгарами.

– Вы уж, ребяташки, там осторожнее, – напутствовал их Кременецкий, – но ежели что, промаху не давайте.

Ночь была удивительная, вся пронизанная светом звезд, до края наполненная летом, умиротворенно убаюкиваемая рекой и шепотом приречных трав.

Мы сидели у небольшого костра. Кременецкий курил папироску в длинном мундштуке, отчего казалось, что ее огонек сам по себе блуждал где-то далеко от его лица. Кто-то из офицеров мечтательно произнес:

– Вот сейчас так бы вдарить по басурманам, чтобы они кто куда...

– Увы, господа, увы, – огонек сигареты разгорелся и застыл на месте, – ночью малая вылазка возможна, а большой полномасштабный бой, когда неведома диспозиция неприятеля, может обернуться катастрофой. Таким чрезвычайно трудно руководить. В крымской кампании мы использовали самые разные варианты, они вами изучались, так что будем бить наверняка...

Разведка без особых приключений вернулась ближе к утру. Она вновь подтвердила, что основные силы турок находятся на противоположной стороне речной долины.

Ходивший с пластунами майор Лещинский, изрядно испачкавшийся, уставший, возбужденно говорил:

– Хорошие позиции у них. Даже если наша артиллерия по ним ударит, особого вреда не нанесет. А вот по всему берегу никого нет... Неясно, то ли беспечность, то ли какой скрытый умысел.

– Значит, по берегу ни души, – Кременецкий вставил в мундштук очередную папироску, – и нам есть возможность переправиться туда без какого-либо шума?

– Да, болгары и предлагают это сделать незамедлительно.

– А далее?

– А далее как можно быстрее сблизиться с неприятелем и...

– В том-то и дело, что этого «и» как раз и ожидает турок. Как только мы переправимся, он сразу навалится на нас, не даст рассредоточиться и пойдет такое «и», после которого от полка ничего не останется. Мы это уже проходили в Крыму. Поэтому, господа, прикажите в ротах первой линии плести туры. На троих солдат одну. Высотой не менее полутора метров. Лозы да ивняка по берегу вдосталь. Весь день отводится на это, а там обсудим наш порядок действий, который я уже вот здесь набросал, – Кременецкий постучал себя по лбу, – а завтра изложу на бумаге.

– Значит, на сей момент, – Лещинский улыбнулся, – солдату – работу, а коню – заботу. Кременецкий одобрительно кивнул головой.

Утром после молитвы солдаты начали рубить лозу и плести туры. Занятие, прямо скажем, не солдатское, но многим из них хорошо ведомое. Я наблюдал, с какой поразительной ловкостью они управлялись. Особенно отличались те, которые в детстве не раз плели из ивовых прутьев различные рыбные снасти, корзины, прочую утварь, столь важную в крестьянском обиходе.

Кременецкий то скакал в штаб дивизии, то к нему в полк приезжали офицеры из того же штаба, а вместе с ними и артиллеристы из 31-й бригады, которая должна была поддерживать полк на переправе. Лещинский вместе с командирами полубатальонов и рот показывал солдатам, как обращаться со сплетенными турами. Солдаты чертыхались, серчали. Видно, им уже порядком надоели команды поручиков и подпоручиков: «Влево в линию!!! Товсь!» – «Вправо в линию ложись!!» – «Третьи номера, пли!!» И эти самые третьи номера, которые прятались за выставленными в линию турами, приподнимались и обозначали прицельную стрельбу по наступающим туркам. Для меня, человека не особо сведущего в этих движениях, перестроениях и прочих громких командных «товсях» была какая-то игра, в которую все больше вовлекались молодые офицеры, исполняя с присущим им азартом.

– Отменно, господа, отменно! – не забывал похвалить Кременецкий особо усердствующих в тренировках. – Ваше умение турку неизвестно, чем мы и обыграем его!

– Обязательно, ваше высокородие!

– Вот, батюшка, – говорил мне Кременецкий, – какой дух, какой настрой! Главное – не оплошать. Первый бой для солдата особенно важен! Дунай не просто водная преграда. Рубеж между славой и позором. Ежели здесь турка обыграем, то дальше у моего солдата уже совсем иная мера будет. Иная!! – это слово он произнес с особенным удовольствием.

15 июня полк начал переправу. Перед этим я всю ночь провел в своей палатке перед иконами Николая Чудотворца и архистратига Михаила, посвятив ночное бдение служению Господу нашему, испрашивая у него благословения для тех, кому завтра идти через Дунай. Уже под утро услышал сквозь палаточную парусину солдатский говор:

- Батюшка-то весь в молитве.
- Думаешь, это нам поможет?
- Обязательно. В святой молитве великая сила.
- Конечно, молиться – это не грудь под пули подставлять.
- Каждому свой крест.

«Значит, так тому и быть, – решил я для себя, – буду вместе с вами».

Еще солнце не взошло, как полк выстроился вдоль реки. Вокруг клубился туман, напознал на берега, тек по приречной долине, словно всю ее обдали кипятком и она молча парилась в этих туманных разрывах, наполненных невиданными фигурами. Я прошел вдоль строя с теми словами, которые берег еще с минской площади.

Кременецкий отдал команду на переправу, и роты устремились к реке.

Заметив, что подпоручик Каненберг и прапорщики Навуменко и Федорович со знаменем поспешили к огромной рыбацкой лодке, в которую загружались солдаты штабс-капитана Мирановича, я также заторопился вместе с ними. Однако Миранович протестующе поднял руку:

– Ваше преподобие, отец Сергей, с нами никак-с нельзя! Увольте меня от обязанности опекать вас, там, понимаете ли, стрелять будут... Посему ваше место...

- Алексей Дмитрич, это кто же определил, где мое место? Не вы ли?
- Никак нет, командир полка еще ранее заметил, что вам надлежит идти вместе с тылом.
- Алексей Дмитрич...
- Сейчас я для всех, в том числе и для вас, штабс-капитан, командир роты.

– Господин штабс-капитан, свое место я определяю сам и не по своей воле, – обиделся, наблюдая, что места в лодке мне вот-вот не останется, – а посему мне надлежит быть рядом со знаменосцами.

Подобрав рясу, я перевалился через борт. Солдаты приветствовали мое появление радостными возгласами одобрения и помогли мне удобнее усесться, чтобы не мешать болгарам-гребцам. Миранович, глядя на меня, огорченно развел руками, затем вынул из кобуры револьвер и взмахнул им:

– Навались!

Болгары-рыбаки дружно взялись за весла.

Наша лодка вошла в парную сырость тумана и исчезла в нем, только где-то рядом было еле слышно, как скрипели уключины других. Я перекрестил их наперсным крестом. Потом из этих лодок соорудят наплавной мост, и по нему пойдут конница, артиллерия и все то, без чего война – не война. Даже кашевары. Но это будет потом...

Х

На том берегу нас уже поджидали лазутчики, перебравшиеся через реку еще с вечера и сидевшие в прибрежных кустах, они были обязаны не подпустить сюда турецких стрелков, если бы те вознамерились на эту ночь устроить засады.

Изъеденные комарами, продрогшие к утру, они радостно вскидывали руки перед офицерами и докладывали:

– Проспал турок, проспал, ваше благородие!

Несказанно обрадованный Миранович приказал офицерам развернуть солдат в линию и незамедлительно идти вперед:

– Как можно скорее достичь холмов!!! Вперед, братцы, вперед!! Доберемся быстрее, чем турок на нас ринется. Выставим туры в линию и закрепимся за ними. Тогда он нас в Дунай не сбросит. Я правильно говорю?

– Верно, ваше благородие!

– Значит, вперед! Туман густой, нам на руку. Держите локоть друг друга!

Сразу за прибрежными кустами раскинулся широченный луг, на дальнем конце которого колыхавшаяся трава ползла вверх к небосклону. Чем быстрее мы шли, тем быстрее исчезал туман, словно не мог угнаться за нами. Вскоре он стал нам по грудь, и это было удивительное зрелище: казалось, что мы все шагали по облакам, обретая под ногами земную твердь лишь для того, чтобы по этой тверди сойти на многогрешную, многострадальную землю. Далекие холмы упрямо не хотели приближаться. Солдаты с винтовками наперевес длинной цепью уминали луговую траву, иногда цеплялись за дунайское густотравье, падали, и линия редела. Они чертыхались, поднимались и встраивались на свои места в линии, и та принимала надлежащий ей вид боевого построения. Я старался не отставать от Каненберга, высоко державшего полковое знамя. Крест стучал в грудь в такт моим шагам, словно подбадривал: «Вперед, вперед!» Самыми первыми шли те, кто нес туры. Вместе с ними следовали и офицеры.

Приречный луг казался мне какой-то необъятной бесконечностью. Миранович одной рукой придерживая болтавшийся на боку палаш, продолжал размахивать револьвером, подбадривал, торопил. Прапорщик Навуменко, оглянувшись в мою сторону, шумно засопел:

– Не топчите мне каблуки, ваше преподобие! Вот допрем до холмов и там передохнем!

У подножия холмов туман выпустил роты из своих объятий. «Вот еще какой-то миг – и мы будем на вершине», – мелькнуло в моей голове. Это была последняя мысль перед тем, что последовало дальше. Из-за холмов на нас низринулась турецкая конница. Мы были перед ней, как на столе. Ей оставалось только смахнуть нас с его поверхности, чтобы даже крошек на нем не осталось.

– Первая линия, туры во фронт!!! – закричал Миранович.

– Туры во фронт!! – эхом отозвались его офицеры и офицеры соседних рот.

– Приготовиться стрелкам!!

– ...кам-ам-ам, по команде!!

– Вторая линия, товсь!!

Каненберг осмотрелся по сторонам, еще выше поднял знамя и заторопился на небольшое возвышение. Навуменко и Федоров словно прилипли к нему. Не отставал и я.

– Вот, отец Сергей, не сподобил нам святой дух допереть туда, куда указывалось! – Навуменко сжал рукоятку своего «митька», и было заметно, как побелели его пальцы от напряжения. – Ох и хитер турок, ох хитер! А дошли бы мы до холмов, иное дело. Теперь нас...

Он не договорил, земля наполнилась каким-то гулом, и вот уже отчетливо зашелестел над холмами лошадиный топот, слегка смягчаемый густым дунайским травостоем. На миг мне

почудилось, что только мы четверо и стояли перед этим гулом, и Каненберг сурово свел на переносице свои, как орлиные крылья, брови. На его юношеское лицо лег румянец.

Топот нарастал с ужасающей быстротой, надвигающаяся на нас черная волна катила так, словно для нее не существовало никаких препятствий.

– Ну, сейчас басурман...

– Навуменко, не вздыхать!

– Оно понятно, ваше благородие! Конечно, вот только у преподобия и оружия-то никакого, разве что крестом басурмана лупить будет!

– И крестом тоже!

Над лугом разлилось, понеслось, срывая со склонов последние лоскуты тумана, обозначенное сверканием сабель неудержимое «Алла-а-а!».

«Вот она какая, война», – мелькнула мысль уже совсем не в продолжение той, предыдущей, радостной от ощущения близости вершины: – «Устоим ли?»

– Господи, Боже наш послушавый...

– Ваше преподобие, если можно, говорите громко! – попросил Федоров, не сводя глаз с приближающейся черной волны. И навстречу этому «Алла-а!» раздалось вдруг до невероятности, до болезненности обычное, даже будничное:

– Товсь, пли!!! Товсь, пли!!!

И оружейный треск.

Заржали, закувыркались лошади, валились на землю снопами люди...

И заплескалось над придунайскими лугами «Господи Боже... урр-а-а!» вперемешку с «Аллах акбар!». Я уже не видел, не понимал и не осознавал всего того, что творилось вокруг. Каненберг стоял со знаменем как вкопанный. Я стоял рядом и как можно громче, словно хотел перекричать всю эту вакханалию смерти, провозглашал, держа перед собою наперсный крест:

– ...ты и ныне, Владыко Господи, услыши нас молящихся, сохрани воинство Его, последи ангела твоего, укрепляюща их, подаждь им вся, яже ко спасению прощения...

Прапорщики, присев на колени, куда-то целились из револьверов, стреляли, что-то кричали офицеры, где-то громко звали на помощь раненые...

...И вдруг мне явственно послышалось, как о полотнище знамени защелкали пули, минув нас, как они свистели у головы или рыхлили землю под моими сапогами. Вот завалился наземь прапорщик Навуменко, остервенело отбивался от наседавших турок Федоров. Живым щитом нас окружили подоспевшие солдаты и встали между нами и наседавшими турками.

Захрипел и обвис на древке знамени Каненберг. На его губах пузырилась алая пена. Стремясь не уронить знамя, подпоручик обнял древко двумя руками, прижался к нему, словно не он держал его, а оно придавало силы стоять под этим градом пуль.

– ...и в день праведного воздания твоего воздай венцы нетления...

– Отец Сергей, отец Сергей!!!

Я шагнул к Каненбергу, подставил плечо, но он уже оползал наземь:

– Знамя, ваше преподобие, знамя, выше, выше, вы-ы... – он силился еще что сказать, но упал навзничь, раскинув руки.

Я даже не понял, не прочувствовал то мгновение, когда знамя оказалось в моих руках и я поднял его над головой. Просто увидел, что целился в меня из пистолета турецкий офицер, как болью исказилось залитое кровью повернутое ко мне лицо прапорщика Федорова, как устремились наперерез турецкой пуле несколько солдат. И ощутил сильные удары в грудь, заставившие меня пошатнуться, даже сделать шаг назад. Но я устоял. Это было невероятно, но я чувствовал, что силы во мне есть. Боль была тяжелой, но несмертельной. Моя первая боль на войне. И я шагнул вперед. Испуганно передернулось лицо турка, не поверившего в то, что промахнулся с какого-то десятка метров. Он еще несколько раз нажал на спусковой крючок пистолета, затем что-то закричал и начал пятиться. Турецкие солдаты тоже, недоуме-

вая, замерли, уставились на меня во все глаза. Я и сам толком не мог понять, что же все-таки произошло и почему остался жив. Подняв знамя, я широко зашагал вперед, туда, к вершине холма. Навуменко с рядовым Корчиком с двух сторон шли со мной...

Там вздыбливала землю наша артиллерия, там плечом к плечу уже сражались с наседавшими турками русские, болгары, сербы... Я нес знамя и думал только об одном: «Сподоби меня, Господи, донести!»

Уже на вершине, когда турки не устояли и отступили к дороге, ведущей из Систова дальше за Дунай, а солдаты начали устанавливать и крепить туры, я передал знамя кому-то из офицеров и стал приводить себя в порядок, ибо ряса в нескольких местах была и порвана, и побита. На наперсном кресте виднелись вмятинки от двух турецких пуль. Одна выше распятия, другая у его основания. Одна из пуль, отрикошетив от креста, слегка оцарапала грудь. Рядовой Корчик, бинтуя рану, радостно повторял:

– В рубашке родились, отец Сергей.

Подбежавшие к вершине солдаты, охрипшие от непрерывного «Ур-а-а!», опьяненные радостью первой победы, окружили нас:

– Наш батюшка никак заговоренный. Басурман-то ведь в него из пистолета почти в упор!

– В упор, на моих глазах!

– Значит, промахнулся!

– Вроде как не похоже на то!

– Да вот, батюшка-то наш живой и невредимый.

Солдаты заспорили, каждый стоял на своем.

– А то, что не мог он с такого расстояния промахнуться. Батюшка ведь перед ним во весь рост, всей грудью нараспашку...

– М-да, дела, брат!

– А что, хорошие дела! Что значит человек под Богом!

Миранович, прижимая к груди пробитую пулей руку, преодолевая боль, спросил:

– Говорят, что в упор бил турок?

– Да как сказать!

– А куда же попал?

– Вот сюда, – и я показал на наперсный крест.

– Невероятно!! – он прикоснулся к распятию. – Невероятно!

Затем подошедший Петров долго и внимательно рассматривал крест, рассуждал о законах баллистики, вероятности и невероятности с математической точки зрения. Его удивлению не было предела.

– Если бы вот так не держал его в руках, никому бы не поверил, что два выстрела, произведенные с секундным интервалом, могли привести к таким последствиям. И ведь рикошет-то совсем слабый. Весь удар принял крест. Будем считать, что война для нас началась с чуда.

Вытиравший пучком сорванной травы осклизлый от крови штык усатый старый солдат скорбно улыбнулся:

– Какое здесь чудо, сколько хлопцев полегло! Одно слово, бойня!

Я посмотрел на него. Он горько поджал губы:

– Скольких я под Севастополем похоронил, батюшка. Какие хлопцы! Да и здесь... – Он отбросил траву, нарвал новый пучок, – каково родным-то будет, когда весточку получат. Когда меня под Севастополем стукнуло да жене сообщили, что нет в живых, так она с ума сошла. Вот и безумствует до сих пор. Правда, сказала: «Теперь сколько не погибнешь – не поверю» – и поет, каждый день поет и поет, поет и поет...

Не зная, что сказать ему, я вздохнул:

– На все воля Божия!

– Так-то оно так. Когда турку брюхо штыком вспорол, а у него на глазах слезы. Я под Севастополем также плакал от боли. Война, она человека зверем делает, зверем, батюшка, будь-то русский или басурман.

Огромное поле стонало, кричало, молило о помощи, плакало от боли. Громко ржали, скребли копытами оземь, стремясь подняться, раненые кони. Похоронная команда сносила в общий ряд убитых. Этот длинный ряд порубленных, исколотых, обезглавленных, обезрученных тел потряс меня. «Молох, истинный молох», – шептал я сам себе.

– Вот это и есть война, батюшка, хуже солломорезки, – и Кременецкий подозвал начальника похоронной команды, – выберите место хорошее, красивое.

Растерянный молодой солдат держал перед собой чью-то отрубленную по локоть руку, пытаясь найти среди тел ее хозяина, все спрашивал у похоронщиков:

– Обезрученного куда положили?

Кто-то из них недовольно проговорил:

– Кажись справа, там и обезрученные, и обезглавленные. Да не носись ты с ней...

– А что делать?

– Спроси у батюшки.

Солдат подошел ко мне:

– Не нашел, отец Сергей, чья, может, хозяин и вовсе живой остался, а с ней-то как быть? В кусты не забросишь?

Это было до неправдоподобности простое обличье войны. Весь огромный мир вдруг сузился до этого окровавленного поля. Ранее неведомая боль пронзила меня с такой силой, что потемнело в глазах. «Господи, ведь ты же сотворил всех нас по своему образу и подобию, живите, радуйтесь. А мы? А мы? Сколько убиенных сейчас предстанут перед тобой! Сколько слез прольется! Вот она, война!» Сам не зная почему, вновь и вновь повторял: «Молох, истинный молох! Сколько молодых, крепких мужиков и дальше будут молить тебя о пощаде, Господи... Господи, помилуй нас!»

– Турки, турки!!

С белым флагом к нам подъезжали несколько турецких офицеров. Они о чем-то переговаривали с Кременецким, и вслед за парламентариями на поле появились турецкие санитары, начали вывозить в скрипевших от тяжелого груза арбах убитых и раненых.

На берегу Дуная я совершил и первое отпевание. Солдаты лежали вдоль длинной общей могилы. Место для нее выбирал Миранович. Он отказался сразу уезжать из полка, заявив, что должен присутствовать на похоронах, ибо в эту могилу предстояло опустить в большинстве своем солдат его роты. Кременецкий разрешил. Миранович поблагодарил и, подойдя ко мне, промолвил:

– Не обессудьте, ваше преподобие, хочу, чтобы место было высокое... чтобы с него... чтобы сам Дунай над ними вздыхал и плакал.

Когда на сыпучем высоком холме воздвигли большой деревянный крест с прикрепленной табличкой, на которой были выписаны имена павших, Миранович вздохнул:

– Может, когда-нибудь братья-болгаре надумаются и соорудят здесь большой памятник, а пока пусть наши герои довольствуются простым православных крестом... Как-то теперь дома известие о их смерти встретят?

Командир болгарской дружины, рослый с мужественным лицом Радован Гордич, он так назвался еще перед переправой, обнял Мирановича:

– Браток, болгары вечно будут об этом помнить.

Затем в систовской церкви, маленькой, стоявшей на тесной, умощенной булыжником площади, душной, увешанной многими иконами, полк прощался с павшими в сражении офицерами и прапорщиками. Среди них штабс-капитан Петрович, подпоручик Каненберг, прапорщик Федоров.

Также из полка по ранению убыли капитаны Семенов, Стрешенцов, прапорщик Рыжкин. Тот же Миранович, когда садился в санитарную двуколку, чтобы быть увезенным в полевой лазарет, долго благодарил Кременецкого:

– Ваше высокоблагородие, если бы не ваша мысль с турами, от моей роты, может, ничего бы и не осталось. Сколько жизней вы спасли, один Бог знает. Премного вам благодарен. Все мои солдаты... – голос его задрожал, словно принадлежал не человеку, первому шагнувшему навстречу пулям, а кому-то иному.

Офицеры дружно поддержали его.

Уже в повозке Миранович вдруг попросил:

– Отец Сергей, позвольте еще раз взглянуть на крест.

– Да-да, пожалуйста.

...И он приложился к кресту губами.

В своем рапорте по поводу проведенной баталии подполковник Кременецкий сделал и такую запись:

«Мужество и храбрость наших солдат и офицеров, а также болгарского ополчения, ведомого русскими офицерами и своими командирами, достойны всяческого восхваления».

Как сказал Лещинский, если бы ополченцы Радована Гордича не ударили во фланг туркам, то погибших на берегу Дуная могло быть куда больше.

Я отказался от помещения в лазарет и весь последующий день, а также и ночь провел в молитвах. Полк приводил себя в порядок и готовился к новым сражениям, а я даже собрался было сесть за свои записи, но так и не нашел сил, чтобы передать бумаге впечатления от увиденного, пережитого, ибо потрясен был всем до глубины души.

...Нам предстояло выступить в направлении Плевны.

XI

Перед Горным Студнем караван из лазаретных повозок в сопровождении конвоя из казаков повернул в сторону полевого шпитала.

– А вам, ваше преподобие, прямо. – Ладный казацкий сотник махнул нагайкою в сторону разбросанных по долине домов и приказал: – Эй, Егор, проводи-ка батюшку до Горного, здесь недалече. Мы будем за лазаретом на постое, где и в прошлый раз. Там и найдешь нас.

Егор соскочил с лошади, взял ее под уздцы, и мы зашагали по неровной, но довольно широкой дороге, которая была до того тряской, что и теперь меня не переставало качать при каждом шаге.

В Горном Студне, как и было указано в присланной в полк бумаге, меня встретил ротмистр Синельников, офицер драгунского полка, состоявший при князе Суворове офицером для специальных поручений. Высокий, широкоплечий, в ладно сидевшей форме, он представился, с каким-то великосветским изыском прижал руку к груди, на которой отливал серебром орден, спросил:

– Не соизволит ли ваше преподобие немного привести себя в порядок и отдохнуть. У нас до аудиенции есть время. Здесь недалече я снял для вас небольшую комнатку.

Комнатка оказалась и в самом деле маленькой, заставленной какими-то незнакомыми мне предметами домашнего обихода. Коренастый, с длинными черными усами болгарин встретив меня, молитвенно сложил руки на груди и что-то стал говорить, показывая на висевшую в углу большую икону.

– Он просит разрешения зажечь перед иконой Божией Матери свечу, – пояснил Синельников.

– Да-да, конечно.

– Через два часа я зайду, – и Синельников стремительно исчез за дверями, но уже спустя полчаса или менее того вернулся. – Государь изволит вас принять до завтрака, так что соберайтесь и пойдете.

Горный Студень – удивительно красивое место. Все в нем свидетельствовало о необычайном трудолюбии его жителей, хотя, судя по всему, и не очень богатых. Скорее всего, бедных. Но столько чистоты, опрятности было на улочках, по которым сновала, грохотала, пылила уйма повозок, тарантасов, лошадиных копыт и солдатских сапог, что с трудом верилось, будто все здесь так или иначе связано с войной. Даже крапивы, и той у низеньких, сложенных из камня заборов, этой постоянной спутницы бедности и чужаки, пока шел к ставке государя, не увидел. То ли она вообще здесь не росла. То ли ее тщательно выкашивали, вырывали.

– За всю настоящую кампанию менее всего русское общество знает о своем государе, и если знает что-нибудь, то разве из корреспонденций иностранных газет. Нам же и половины того не позволено, что позволено господам из Парижа и Лондона.

Синельников снисходительно хмыкнул:

– Газетчики... Они к каждому завтраку слетаются, как мухи на компот. Быстренько прознали, что у государя небольшой прием. Здесь ухо остро надо держать. Чуть не то сказал, да они еще и в недослых сказанное словили – все, считай, пропали, ибо в газетах такое напечатывают, просто срам один!!

Чувствовалось, что офицер недолюбливал пишущую братию. В его словах сквозило некоторое пренебрежение к ней.

– Может, двое из них и понюхали порошу, а остальные так себе. Настоящие, они там, с вами-с, а здесь...

– Между тем государь составляет средоточие, душу того великого дела, за которое борются войска наши, и подробности о его жизни в высшей степени должны интересоваться всех, – громко и внятно говорил шатен, чувствуя на себе повышенное внимание коллег.

– Этот? Этот из «Нового Времени». Препаршивая, я вам скажу, газетенка, но успехом пользуется необычайным, – хмыкнул офицер.

«Новое Время» в наш полк не доставляли, и что конкретно из себя эта газета представляла, я не знал.

Шатен, завидя нас, вдруг радостно всплеснул руками:

– Господа, прошу прасчения... Кого я вижу!! Штабс-капитан Синельников собственной персоной! А сюда прилетела утка, что вы уже не при ставке, а где-то маршируете... – и шатен показал в сторону гор. – Простите за назойливость, а священник для меня совершенно незнаком и, видимо, он здесь отнюдь не случайно, а?

– Ротмистр! Сколько раз вам повторять, что я уже ротмистр, – огрызнулся Синельников.

– Бог с вами, Синельников, ротмистр или штабс, благозвучие не меняется, а потому не будьте скупердяем, шепните причину визита рядового священника в ставку. Это связано как-то с предстоящим приемом у Его Величества или?..

– Или..., все или, господин Верхотуров! В прошлый раз вы все переврали, и я имел неприятности...

– Синельников, я здесь ни при чем...

– На том и завершим.

Верхотуров ухмыльнулся:

– Какой же вы недалновидный, штабс... прошу прасчения, господин ротмистр.

Синельников ничего не ответил.

XII

Даже в лагерной обстановке государь оставался верен тому порядку жизни и распределению времени, которое установил себе издавна. Он занимал небольшой домик в две комнаты. Из них одна – его кабинет, другая – спальня. Кроме того, имелись галерея, обтянутая полотном, и маленькая передняя.

Рядом с этим домиком находилось несколько домов просторнее: для охраны, офицеров связи, лечащего врача, для прислуги и ряда других столь необходимых лиц, с которыми государя связывала еще та, гражданская жизнь, и чье присутствие не было обременительным для него и сейчас. Среди офицеров ходили разные шутки. Однако, насколько я понимал, такое количество лиц, не связанных с войною, воспринималось людьми военными с долей не только снисходительности, но и некоего сочувствия.

– Это все клиенты господина Верхотурова, – пошутил ротмистр.

Распорядок жизни государя был хорошо известен Синельникову. Теперь и я узнал, что государь вставал около 8 часов утра и натошак пил чашку крепкого кофе. Как бы ни был он утомлен накануне, какие бы дела и заботы ни изнуряли его, он не менял этого часа.

– И если доктор замечал ему, что он почивал мало, государь отвечал: «Я не могу встать позже, потому что не успею иначе все сделать». Вот так-то, ваше преподобие, – усмехнулся Синельников. И было непонятно, то ли с одобрением он это сказал, то ли с тем же сарказмом, который мне присутствовал в прежних его замечаниях.

Генерал весьма придирчиво осмотрел меня, поблагодарил Синельникова за точное исполнение распоряжения.

– А к вам, отец Сергей, у меня маленький разговор. Государь непременно предложит присесть, и вы, конечно, присядьте, но как только Государь обратится с вопросом, то извольте подняться и говорить стоя...

– Конечно, ваше высокопревосходительство, конечно, – смиренно склонив голову, отвечал я, слабо представляя, о чем может говорить со мной государь-батюшка и какие у него могут быть ко мне вопросы.

От волнения почему-то потели ладони, и я проводил ими по ризе, что не ускользнуло от генеральского взгляда. Он кивком головы подозвал стоявшего у входа в царский домик и разговаривавшего с офицером охраны Синельникова и что-то сказал ему. Через несколько минут тот принес красивый, аккуратно сложенный шелковый платок.

– Возьмите, ваше преподобие, – генерал протянул платок, – спрячьте его так, чтобы при надобности вы его смогли легко достать.

Платок у меня имелся. Правда, не такой красивый и не шелковый, но от смущения я позабыл о его существовании.

Невдалеке на лоснящихся лошадях проскакали драгуны. Они весело переговаривались и смеялись. Со стороны огромного бело-голубого шатра легкий ветерок доносил запах кофе, жаркого, специй. В шатре находилась царская столовая. За ней краснел яблоками сад. Из сада тоже доносились веселые голоса. Казалось, что войны и вовсе нет, что я попал на загородную прогулку с участием этих смеющихся офицеров. Моя боль, мои переживания, а вместе с ними кровь, пот, страх, радость – все там, в полку осталось, где охрипшие от команд офицеры, запыленные, уставшие от неустанных турецких атак, пили привезенное болгарями кисло-сладкое вино прямо из горлышка больших кувшинов, передавая эти кувшины друг другу... Пили так, как пьют родниковую воду, чтобы раз и навсегда утолить невесть откуда взявшуюся жажду. И говорили о том, что было сегодня, и думали о том, что будет завтра. Я знал, что их завтра опять начнется с молитвы и Божьего благословения на ратный труд.

У входа в небольшой каменный домик с красивым резным деревянным крыльцом расхаживало взад-вперед четверо гусар-гвардейцев из личной охраны государя. Большой сад, несмотря на сентябрь, был не похож на осенний, и мне почудилось, что горный склон прогибался под его тяжестью. Длинные ветви доставали до земли... От ветра они раскачивались, и яблоки ударяли в сухую пожухлость травы, словно земля была для этих веток огромным барабаном. Сад полз вверх по склону. Золотисто-зеленая листва, еще упорно сидевшая вместе с яблоками на ветках, не могла противостоять порывам ветра, с лихостью гусара врывавшегося в сад из ущелья, срывалась, кружилась, опускалась, устилая склон...

Я смотрел на все это, и мне казалось: сад двигался, уходил в горы, неся свою яблочную тяжесть туда, к войскам. В саду вздувались парусиновыми боками палатки. Из них иногда выплескивался молодой, задорный, громкий смех, и генерал недовольно морщился, озабоченно посматривал в сторону царского домика, дескать, не тревожило ли такое громкое излияние чувств его обитателя. За домиком, почти рядом с раскидистыми кронами яблонь, была устроена коновязь. Сочные яблоки скатывались прямо к лошадиным копытам. Лошади нехотя подбирали плоды мокрыми от слюны губами, сочно хрустели, косили друг на друга умными глазами, иногда азартно вскидывали головы... С металлических цуглей капала на землю сладкая яблочная пена.

К генералу словно мимоходом, показывая всю свою значимость и занятость, постоянно подходили, сверкая высокими начищенными сапогами, то военные чины, то гражданские лица в таких же сверкающих штиблетах. И тех, и других сновало здесь премного. У царского домика дорожки были подметены и посыпаны свежим песком. На них не виднелось ни единого отпечатка. «Видимо, первым по ним должен пройти государь», – подумал я и опять машинально провел потными руками по ризе.

– Батюшка! – рассерженно произнес бдительный генерал. – Извольте-с придерживаться этикета. Это же ставка государя, а не ваш пехотный полк.

Я смущенно откланялся, и в этот момент дверь распахнулась. На крыльце появился весь строгий, нахмуренный, затянутый в темно-синий повседневный мундир царский советник и, как мне показалось, несколько небрежно подозвал генерала:

– Вы уже здесь? Хорошо-с, хорошо-с... Итак, дорогой Василий Петрович, вам с вашим героем для аудиенции пять минут. Не более того... Сегодня у государя большая почта, и он должен ее просмотреть, и непременно-с до завтрака. А где командир полка, в котором священствует наш герой? – он с особым ударением проговорил «наш герой». – Кажется-с, подполковник также приглашался?!

Генерал почтительно наклонил голову перед рослым советником:

– Приглашался, естественно, приглашался, Иван Николаевич. О том отдельно писано в приказе в 30-ю пехотную дивизию. И писано, что вместе с полковым священником 54-го Минского пехотного полка обязан прибыть в ставку и подполковник Кременецкий. Но он, к сожалению, получил ранение.

– Ну-с, если ранение, это хорошо! А то вы частенько забываете в точности исполнять мои поручения.

– Иван Николаевич, как возможно, как возможно...

– Очень даже возможно-с.

В маленькой передней у окна, зашторенного тонким полотном, стояли два молодых высоких офицера в новенькой наглаженной полевой форме, перекрещенной ремнями и саблями с темляками. На руках ослепительно белые перчатки.

Государь сидел за столом, на котором аккуратными стопками лежали как сами газеты, так и их обзоры, которые исправно делало и присылало министерство иностранных дел, другая разнообразная корреспонденция. Удивительно доброе, располагающее к себе лицо: короткие, гладко причесанные волосы не закрывали глубоких залысин, бывших продолжением высо-

кого, с двумя глубокими продольными морщинами лба. Густые, пышные усы почти закрывали рот, нависнув над нижней пухлой губой. Усы переходили в такие же густые курчавые бакенбарды, крепкий, волевой, чуть выдвинутый вперед подбородок был гладко выбрит. И усы, и бакенбарды, и редкие волосы отливали сединой. Оттененная темно-синим сукном мундира, эта седина не столько подчеркивала возраст, сколько придавала государю величия и мудрости. Над плотным воротом мундира офицера драгунского полка белела полоска свежего подворотничка. У петлички под самым воротом был прикреплен георгиевский крест. Невероятная простота царской формы была поразительной на фоне ярких мундиров, и даже несколько праздных костюмов его окружения, проживавшего в ставке в Горном Студне.

Перед государем, несколько в стороне, стоял его адъютант. Как я понял, это был князь Суворов – человек, известный своим остроумием, умением сочинять четверостишия, которые затем с большой охотой воспроизводились офицерами. Особое место занимали едкие пародии в адрес нашего неприятеля. Ходили слухи, что и туркам они известны, и среди них даже объявились охотники выследить и убить Суворова.

Царского адъютанта за его острословие любили в войсках, но побаивались в ставке. Со стороны эта боязнь выглядела как почтение, ибо Суворов ко всему был и храбрым человеком, готовым в любую минуту жизнь положить за государя. Положить без промедления. И государь это осознавал. Это была не та показная преданность, которой грешили многие из царского окружения. Они-то знали, почему к своему адъютанту государь весьма благоволил.

Император, не отрывая взгляда от разложенных бумаг, кивнул головой, что означало «можно входить», довольно разгладил усы и постучал пальцем по бумажной стопке:

– Однако, судя по донесениям, успех намечается, как вы считаете, князь?

– Несомненно, Ваше Величество, определено.

– Сие надо отметить! – Государь поднял голову, взглянул на стоявшего впереди меня советника: – Иван Николаевич, подготовьте-ка грамоту о награждении Владимиром с мечами князя Александра Александровича. Первой степени, несомненно. Князь Суворов, как это по вашему должно звучать?

– Ваше Величество, определено так, – и князь Суворов выдернул из-за обшлага мундира уже заготовленный им текст, – извольте посмотреть наброски.

– Так, так... «Благоразумные распоряжения Вашего Императорского Высочества во время командования отдельным отрядом в действующей армии, вполне соответствующие видам главнокомандующего и общему плану кампании, дают вам право на особенную нашу признательность. Храбрые наши войска отражали все нападения превосходившего их численностью неприятеля и выказали при этом свои превосходные боевые качества». Хм, недурно-с. Вполне, вполне... – Затем, подумав, он заметил: – Надо бы перед храбрыми войсками поставить «предводимые вами».

– Ваше Величество, перед храбрыми войсками стоите только вы как государь император, а затем уж... – улыбнулся Суворов, – но если вы так считаете...

– Ах, князь, ах, проказник, – рассмеялся государь, – как у вас все получается. Увольте-с, я стою позади войск.

– Ваше Императорское Величество, извольте не согласиться, только не позади. А даже и если там, где вы определили, то лишь только для того, чтобы стать той сильной опорой, от которой отгалкиваются наши войска, дабы потеснить неприятеля и выиграть поход.

Государь всплеснул руками и улыбнулся:

– Вот ведь как воспринимается моя позиция!!.. Мда-с! Красноречиво! За это вас и ненавидят турки. Однако, Иван Николаевич, – государь посмотрел на советника, – обязательно поставьте «предводимые вами». Думаю, что и Александру Александровичу, и его офицерам это будет приятно.

– Будет сделано, Ваше Величество!

Суворов приблизился и что-то шепнул на ухо государю.

– Да-да, согласен... – Он помахал в сторону советника пальцем: – Иван Николаевич, и командира 12-го армейского корпуса великого князя Владимира Александровича также Владимиром с мечами второй степени. Оба сии награды заслужили.

– Будет исполнено, Ваше Императорское Величество, – советник поклонился и вышел. Только после этого государь взглянул в мою сторону, поднялся и развел руками:

– Вот так богатырь! Наслышан, наслышан, особенно лестно отзывался о вашем преподавании князь Суворов. Да и не только он, вся ставка говорит о тех чудесах храбрости, которые проявляют наши священнослужители на поле брани. Князь, а где «Биржевые Ведомости», которые описали подвиг, совершенный отцом Сергием? – Государь взял протянутую князем газету: – Да, прекрасно, восхитительно! Истинно православный герой-священник, перед которым не устояли враги. – Он вышел из-за стола и направился ко мне, и я почувствовал, как предательски задрожали колени, даже не помню, как император обнял меня и трижды по христианскому обычаю поцеловал, как взял меня за локоть, подвел к большому кожаному креслу и усадил в него, сам сел в такое же напротив: – Рассказывайте обо всем, как участвовали в деле, мне очень интересно. В газете, наверное, не все так прописано, как оно было?

Памятуя наказ генерала, я поднялся, чтобы ответить, но государь повелительно махнул рукой:

– Если я вас усадил, то сидите, негоже такому богатырю ваньке-встаньке уподобляться. А я не в обиде буду, что вы посидите в моем присутствии, – и он хитровато улыбнулся, – ведь кроме нас с вами да князя Суворова этого больше никто не видит, не так ли? Теперь рассказывайте!

– Примерно все, государь-батюшка, «Биржевые Ведомости» изложили. Ее корреспондент Максимов весьма обстоятельно у всех выспрашивал.

– Хорошо писал Максимов, жаль, что его ранили. Очень жаль, и павшего Верещагина, хороший художник был. Помяни Господи его и другое воинство, – государь поднялся, повернувшись к иконе Казанской Божией Матери, широко перекрестился. Вслед за ним перекрестились и мы с князем Суворовым. – Князь, распорядитесь относительно кофе. Думаю, что сей напиток будет полезен и приятен отцу Сергию с дороги... Или вас уже потчевали? Думаю, что нет. Они себя не забывают, а о других пусть государь заботится.

Я стал рассказывать об июньской переправе через Дунай, когда наш полк атаковали большие силы турок, и как мы сдержали их натиск, не позволили, чтобы они утопили нас в реке.

– Значит, турок не осилил вас?

– Нет, государь-батюшка, бежал турок!

– Дайте-ка я осмотрю ваш крест. Удивительно, необъяснимо! Значит, в него попали две пули... выпущенные вам прямо в грудь?!!

– В него, государь-батюшка, в него. Вот эти две отметины ими оставлены. Как я уже говорил, при переправе через Дунай 15 июня.

Я называл государю эту дату, которая стала моим новым днем рождения. И в этот день с особой силой молюсь Господу нашему Иисусу Христу и в молитвах возношу ему свою благодарность.

– От одной пули, раз крест спас вам жизнь, это можно отнести за счет случайности, как говорит наш князь Суворов, а от второй – это своего рода знамение. Не так ли, князь?

Князь поклонился:

– Несомненно. Склонен считать, Ваше Величество, что в этом знамении есть особый знак.

– И какой же?

– Осилит турка, с Божией помощью осилит. Вера наша покрепче, чем их, будет.

– Их вера тоже сильна, – государь задумчиво посмотрел в окно. – Мы должны уважать неприятеля с его верой. Уважай веру чужую и горячо люби свою. – Его взгляд остановился на иконе Казанской Божией Матери: – И если мы такого сильного неприятеля побеждаем, значит, наше дело правое, значит, наша вера сильнее, благороднее в этом деле. Болгары нам братья по вере. Это священное братство! Что может быть крепче его? – государь посмотрел на меня, словно этот вопрос адресовался мне, и тут же сам ответил: – Нет такой силы!

Князь Суворов выпрямился:

– Ваше Величество, истинно так! Какие слова! Ваше Величество, я передам их журналистам. Эти слова должен прочесть весь мир.

Император улыбнулся:

– А сколько в этом мире тех, кто вообще не хочет ничего слышать об успехах России, о силе и духовной мощи нашей православной веры.

– Ваше Величество, хоть один турецкий мулла покажет вам свой знак, который спас ему жизнь, и притом дважды?..

– А вы как считаете, отец Сергей, – государь опять посмотрел на икону Казанской Божией Матери, словно этот вопрос относился к ней, – осилим мы неприятеля?

Мне захотелось сказать нечто особенное, но я растерянно пробормотал:

– Осилим, государь-батюшка, ибо на вас возложен перст Божий, чтобы привести нас к победе.

Государь кивнул, на его исхудалом лице засветилась улыбка.

Кофе не подали. Не успели. Вошел Иван Николаевич и с полупоклоном сообщил, что подошло время царского завтрака.

Государь достал из кармана расческу, провел ею по усам и бакенбардам, поправил китель с «Георгием»:

– Что ж, будем соблюдать распорядок. Дисциплина во всем, и прежде всего здесь, на войне... Это особенно важно. Князь, отцу Сергию место за столом! И еще, князь, вам поручение...

Какое поручение государь давал князю Суворову, услышать не довелось, ибо Иван Николаевич аккуратно взял меня под локоть и вывел из царского кабинета во двор, где меня уже поджидал Синельников.

– Господин ротмистр, проводите его преподобие к столовой.

Синельников учтиво наклонил голову.

XIII

Газеты, особенно западные, весьма подробно на своих страницах воспроизводили каждый императорский день. Дотошные журналисты до мелочей описывали военный быт государя, начиная с завтрака. Тот же Максимов в подаренных мне «Биржевых ведомостях» так описал царский день: «Завтрак, к которому собиралась вся свита, начинался в 12 часов. Стол накрывался в большом шатре. Александр Второй садился в его середине. Обыкновенно он много говорил и всегда был любезен, за исключением тех случаев, когда что-нибудь особенно заботило его или печалило. После завтрака он начинал работать и работал несколько часов кряду. Рассматривал бумаги и доклады, присланные из Петербурга, все внимательно прочитывал, делал заметки на полях, налагал резолюции. В это же время он принимал министров и других лиц, имеющих к нему доклады. В день отправления курьеров в Петербург государь приготавливал почту и был занят наиболее полно. В этот день он докладов не принимал.

Ничто не изменяло этого порядка. Были такие жаркие дни, когда термометр даже в тени показывал 32 градуса. Государь, обливаясь потом, продолжал работать, несмотря на изнуряющую духоту. Никто никогда не слышал еще от него жалобы на утомленность, неудобства лагерной жизни.

От 4 до 5 часов по полудню государь почивал, затем ехал в коляске в лагерь и лазарет, расположенные неподалеку отсюда, на окраине Горного Студня.

Этой ежедневной прогулкой он особенно дорожил».

Как сообщал мне в письмах из далекого Дударево отец, о войне он знал куда больше моего. В каждом письме он обязательно приводил ссылки на ту или иную газету, чего я раньше за ним не замечал.

Вот и мне благодаря тому же Максиму стало известно, что все в ставке начиналось именно с завтрака в столовой, огромной палатке – царском шатре, вмещавшем в свое нутро уйму народа. У входа в столовую Синельников нечто сказал стоящему в золотой ливрее с густыми седыми бакенбардами служителю, и тот повел меня к столу.

Как я понял, государь садился в центре стола. И у каждого здесь было свое, строго ранговое место. Участники завтрака приходили и выстраивались каждый за спинкой своего стула и ожидали, когда войдет государь и даст знак садиться. Когда он вошел, все дружно повернулись в его сторону, поклонялись и после того, как государь занял свое место, занимали свои неспешно, с оглядкой друг на друга, по возможности учтиво уступая пальму первенства тому, кто был рангом повыше. Мое место то ли по прихоти князя Суворова, то ли из-за милости Государя, оказалось как раз напротив Его Императорского Величества. Многие из свиты удивленно поглядывали в мою сторону, при этом перешептывались со странными улыбками.

Сам завтрак начался с того, что государь после прочтения молитвы совсем по-обыденному поднял бокал с наполовину наполненным красным вином, провозгласил кратенькую здравицу в честь присутствующих, неспешно отпил и предложил откусать. Сам же стал в голос зачитывать полученные телеграммы. Все с неослабевающим вниманием, стараясь возможно меньше стучать ножами и вилками, прослушивали текст. Иногда государь призывал кого-нибудь из свиты и прочитывал известие только ему. Это вызывало неподдельный интерес и к тексту, и к тому, кого удостоил своим вниманием государь.

– А теперь, господа, поскольку текущие дела завершены, прошу соизволить меня выслушать вот по какому поводу, – государь аккуратно сложил на поднос все лежавшие перед ним телеграммы, и стоявший позади дежурный офицер тут же унес его, – повод весьма чудесный, – он сделал многозначительную паузу и посмотрел в мою сторону, – я хочу произнести здравицу в честь присутствующего здесь священника отца Сергия, который своими подвигами во имя

нашей веры и Отечества еще раз явил миру величие души нашего русского человека, величие его ратных дел.

Воцарилась необычайная тишина, только слышалось где-то фырканье лошадей, застоявшихся у коновязей, позвякивание шпор ходившей вокруг палатки охраны да чей-то рассерженный голос, выговаривавший какому-то Павлу Никодимычу за его нерасторопность по отправке корреспонденции в Петербург, и тот же голос начальственно успокаивал не в меру расходившихся газетчиков, коим, видимо, тоже что-то перепало от царского завтрака.

Негромким, чуть хрипловатым голосом император продолжал:

– Будучи в упор дважды стреляным турками, наш герой тем не менее по Божьей воле остался жив. И не только жив, но цел и невредим, чем, как мне свидетельствовали в донесении некоторые очевидцы, вызвал небывалый восторг в полку, а турка поверг в смятение.

Послышались вопросы:

– Как же так, Ваше Величество?

– Как такое могло случиться?

– Это и на самом деле невероятно!

– Вот именно, невероятно, но тем не менее, тем не менее, – государь улыбнулся, – наш герой жив, здоров и сидит напротив меня.

Кто-то зааплодировал, и тут же рукоплескания захлестнули весь длиннющий стол.

– ...И дело в том, что обе пули, выпущенные в него, принял на себя его наперсный крест!

Князь Суворов с полупоклоном оборотился к Государю:

– Ваше Величество, а не соизволит ли отец Сергей показать нам сей замечательный крест?

Государь помолчал, словно его больше занимали разложенные на тарелке устрицы, блюдо, явно входившее в моду, затем посмотрел на меня и улыбнулся. Заметил, как сидевшее в отдалении незнакомое духовное лицо благосклонно кивнуло мне, выражая тем самым поддержку и подбадривая в эти минуты смятения.

Я снял с груди крест и передал его Государю. Тот некоторое время задумчиво рассматривал его, а затем отдал Суворову. Крест передавали из рук в руки, восхищенно ахая.

– Господа, он почти горячий, с чего бы это?

– Наверное, нагрелся на здешнем солнце.

– Да нет...

– Но он и на самом деле совсем теплый...

– Очень удивительно, очень!!

И когда крест вновь вернулся на мою грудь, я почувствовал сошедшее на душу успокоение.

Завтрак продолжался под мелодичное позвякивание ножей и вилок. Кто-то из свиты во всеуслышание повторил сказанное Суворовым:

– А не соизволит ли его преподобие подарить сей знаменательный крест, который являет собой не иначе, как чудо Господне, Его Императорскому Величеству?

– О, думается, это будет исключительный подарок... Это, как знамение Божие, еще больше укрепит нашу веру, наше воинство...

– Право, в этом, несомненно, что-то есть!

Суворов подал знак, и над столами повисла тишина. Все смотрели на Государя. Он молчал... Молчание загустевало. Мне почудилось, что в шатре стало на удивление душно, хотя ветерок и колыхал кисею занавесок на окнах и входе. Казалось, что государь не придал никакого значения вопросу, а лишь внимательно рассматривал кусочек обжаренного мяса, давая понять, что на данный момент его больше волновало, с какого конца лучше отрезать. Я увидел, как нервно забарабанил по столу своими длинными чуткими пальцами князь Суворов. Но вот легкая улыбка коснулась губ Государя, и он перевел взгляд на меня, а вместе с ним и

все сидевшие за столом. Стало понятно, что право говорить предоставлено мне. Мою душу стянуло будто обручем, и в замешательстве я даже не знал, что ответить. Кто-то из присутствующих уже протянул руку, чтобы помочь снять крест, который только что вернулся на грудь.

Однако Государь, отложив нож и вилку, вытер салфеткой губы, тихо и внятно произнес:

– А не кажется ли вам, господа, что сей крест достоин именно этой груди, – и он указал на меня, – и что только на ней он способен творить чудеса? Или я неправ?!

Государь вновь взял вилку и нож и начал аккуратненько отрезать понравившийся ему кусочек.

И опять повисла тишина, словно все одновременно попытались вникнуть в смысл сказанного.

Первым зааплодировал князь Суворов:

– Bravo, Ваше Величество, bravo! Как видите, господа, у государя получился отменный тост!.. Великолепная импровизация, великолепная!

Государь, благосклонно улыбаясь, качнул головой.

Раздались хлопки. Затем все как по команде дружно поднялись и начали аплодировать.

Польщенный государь еще шире улыбнулся, взмахнул рукой, аплодисменты стихли:

– Господа, в заключение хочу сообщить вам, что мной подписан указ о награждении их преподобия отца Сергия орденом равноапостольного князя Владимира с мечами. Добавлю, что сегодня это уже третья нашедшая своих соискателей столь высокочтимая в нашем народе награда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.